

Бestseller
New York Times
Книга издана
в 18 странах
мира

Умный,
тонкий роман
о супружеской
жизни с легкой
ноткой
психологического
триллера.

Observer

ТЫ должна была ЗНАТЬ

ДЖИН ХАНФФ КОРЕЛИЦ

Джин Корелиц
Ты должна была знать

«Центрполиграф»

2014

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Корелиц Д. Х.

Ты должна была знать / Д. Х. Корелиц — «Центрполиграф»,
2014

ISBN 978-5-227-06264-2

Грейс Рейнхарт-Сакс производит впечатление счастливой женщины – и она действительно счастлива. Чуткий, заботливый муж, долгожданный любимый сын, успешная карьера семейного психолога – все ее радует. К тому же готовится к изданию ее книга о браке и отношениях, которая обещает стать бестселлером. Грейс убеждена, что дурные склонности человека можно распознать при первой же встрече, и призывает женщин быть внимательными, чтобы избежать несчастливого брака. Казалось бы, Грейс – именно та женщина, которой удалось сделать правильный выбор. Но однажды на пороге ее дома появляются полицейские, и оказывается, что сама она совершенно не знала мужчину, с которым прожила в браке пятнадцать лет...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-06264-2

© Корелиц Д. Х., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	38
Глава 4	47
Глава 5	53
Часть вторая	65
Глава 6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Джин Ханфф Корелиц Ты должна была знать

Jean Hanff Korelitz

You Should Have Known

A Novel

Часть первая До

Глава 1 Ты просто почувствуешь

Обычно клиенты плакали, когда приходили к ней в первый раз, и казалось, эта женщина готова была последовать их примеру. В кабинет вошла уверенной походкой, покачивая портфелем, и руку Грейс пожала с видом стрессоустойчивого профессионала, которым, видимо, являлась или мечтала стать. Потом опустилась на кушетку, закинув ногу на ногу. Брюки были хлопковые. И только тогда будто заметила, куда пришла.

– Подумать только, – с ошеломленным видом покачала головой женщина. Звали ее – Грейс еще раз проверила за несколько минут до начала встречи – Ребекка Уинн. – В последний раз была у психолога еще в студенческие годы.

Грейс сидела на своем обычном месте, скрестив собственные, гораздо более короткие, ноги и чуть подавшись вперед. Прodelала она это чисто инстинктивно.

– Так странно! Только на порог ступишь, сразу зарыдать хочется.

– Все предусмотрено – бумажными носовыми платками запаслась заранее, – улыбнулась Грейс.

Сколько раз она сидела в этом самом кресле, в точно такой же позе, и слушала рыдания клиенток! Грейс иногда представляла, как кабинет затапливает и море слез плещется возле ее подбородка. Другой распространенной реакцией был гнев – громкий, с криками и воплями, или тихий, ядовитый и язвительный. Тогда Грейс воображала, что нейтрально-кремовые стены темнеют от ярости. А если в душе клиентки воцарялись радость и гармония, Грейс казалось, что вокруг витает приятный запах сосновой хвои – как на берегу озера, куда ездила отдыхать с семьей прошлым летом.

– В любом случае мой кабинет – просто комната со стандартной обстановкой, – бодро прибавила она.

– Пожалуй.

Ребекка осмотрелась, словно ища подтверждения. К оформлению кабинета Грейс подошла очень серьезно, ведь это помещение должно было выполнять несколько функций одновременно. Интерьер – приятный, но не отвлекающий от дела. Атмосфера теплая и домашняя, но не чересчур, чтобы не подавлять клиента излишними проявлениями собственной индивидуальности. Грейс нарочно подобрала вещи, с которыми у многих были связаны какие-то воспоминания: например, классический постер Элиота Портера с фотографией берез. Все в свое время спали в комнате, где висел такой постер – в студенческом общежитии или в снятом на лето коттедже. На полу красный турецкий ковер, к услугам клиентов предлагалась серо-бежевая кушетка, а сама Грейс сидела в вертящемся кожаном кресле. На стеклянном журнальном столике в кожаном держателе красовалась коробка с бумажными салфетками. В углу стоял антикварный стол из сосновой древесины, в ящиках которого хранились большие желтые блокноты, а также списки психофармакологов, детских психологов, гипнотерапевтов, специализирующихся на лечении зависимости от курения, риелторов, турагентов, медиаторов¹, нотариусов и адвокатов по бракоразводным процессам. Вместо подставки для ручек Грейс использовала кособокую керамическую кружку, которую ее сын Генри изготовил на уроке труда в первом

¹ Медиатор – психолог-конфликтолог, выступающий как посредник в урегулировании конфликтов.

классе. На протяжении всех лет клиентки удивительно часто высказывались по поводу этого предмета, делясь собственными ассоциациями и воспоминаниями, которые он у них вызывал. Белая керамическая лампа с холщовым абажуром светила мягко, ненавязчиво. Единственное окно выходило на задний двор. Смотреть там было особо не на что. Впрочем, несколько лет назад Грейс задумала установить там ящик с яркими, не требующими сложного ухода растениями – геранью, плющом. Управляющий зданием воспринял идею с энтузиазмом, но предложил Грейс самой выгружать и тащить деревянный ящик до места назначения. Однако выяснилось, что во дворе растениям не хватало света, а вскоре ящик и вовсе исчез, оставив после себя стойкий темный след на цементе. Что и говорить, садовод из Грейс был неважный.

Впрочем, сегодня Грейс прислушалась к советам Сарабет и принесла цветы – темно-розовые розы. Чем ближе был Великий день, тем больше указаний раздавала Сарабет. По такому случаю Грейс обязательно должна купить цветы, и не просто цветы, а розы, и не просто розы, а розовые розы – *темно-розовые*.

Спрашивается – зачем? Грейс недоумевала. Сарабет ведь не рассчитывает, что фотография будет цветной? Удивительно уже то, что журнал «Вог» заинтересовался скромной персоной Грейс настолько, чтобы напечатать черно-белый снимок офиса. Однако Грейс уступила, поставив букет в единственную вазу, которую отыскала в кухонном закутке. Тогда кто-то прислал им цветы. Благодарная клиентка, наконец ушедшая от мужчины, с которым давно следовало порвать? Или Джонатан? Грейс старалась поставить их красивее, но темно-розовые розы не слишком изящно торчали в разные стороны. Ваза стояла на одном из столиков у стены, опасно теснимая тяжелым шерстяным пальто Ребекки.

– Вообще-то насчет слез вы правы, – произнесла Грейс. – Для многих набраться мужества, чтобы прийти сюда, – само по себе испытание. Не говоря уже о том, чтобы привести партнера. Поэтому на первом сеансе люди часто бывают не в силах совладать с собой. Это совершенно нормальная реакция.

– Спасибо, как-нибудь в другой раз, – ответила женщина. На вид ей можно было дать лет тридцать – может, чуть меньше, может, чуть больше. Миловидная, хотя и слишком строгая, подумала Грейс. Одета Ребекка Уинн была в весьма хитроумно сшитый костюм, призванный скрывать тип фигуры владелицы. Будучи обладательницей пышных форм, Ребекка Уинн сделала все, чтобы создать иллюзию худощавой, мальчишеской фигуры. Белую хлопковую блузку будто специально сшили для этой цели, а пояс коричневых брюк весьма удачно создавал намек на отсутствующую талию.

Что и говорить, маскировка искусная. Портные явно знали, что делали, – хотя чему удивляться, подумала Грейс. У сотрудницы «Вог» наверняка много полезных знакомств в соответствующих кругах.

Порывшись в портфеле, стоявшем у обутых в кожаные сапоги ног, Ребекка достала устаревшую модель диктофона и поставила на журнальный столик.

– Не возражаете? – уточнила она. – Знаю, вещь доисторическая, но привыкла с ним работать. Как-то раз четыре часа беседовала с одной поп-певицей, не буду называть имен. В общем, умение изъясняться связными предложениями к ее талантам не относится. В тот раз взяла на интервью крошечный суперсовременный гаджет со спичечную коробку размером. А потом собралась прослушать запись, включая – и тишина... Самый страшный момент за всю карьеру.

– Могу представить, – кивнула Грейс. – Но вы, конечно, нашли выход из положения.

Ребекка пожалала плечами. Тонкие светлые волосы были подстрижены коротко и уложены в чрезвычайно сложную и упорядоченную прическу, призванную создавать эффект творческого беспорядка. Ключицы обрамляло серебряное ожерелье.

– Я ей столько глубоких мыслей в уста вложила, что только полная дура под ними не подписалась бы. Так что интервью прошло в печать. Я, конечно, нервничала, но потом ее пресс-

агент сказала моему редактору, что это лучшее интервью ее подопечной. В результате за самоуправство получила одни похвалы.

Тут Ребекка осеклась и, устремив на Грейс пристальный взгляд, с полуулыбкой произнесла:

– Только сейчас сообразила, что сболтнула лишнего. Вот что бывает, когда приходишь к психологу. Только сядешь на кушетку, сразу тянет откровенничать.

Грейс улыбнулась. Ребекка громко защелкала тугими кнопками диктофона. Потом снова нырнула в портфель, достала старомодный блокнот для стенографирования и гранки в глянцевого папке.

– Вы прочли мою книгу! – не удержалась Грейс. Она до сих пор удивлялась, увидев свое произведение в чьих-то руках. Как будто книга была всего лишь капризом, прихотью и выпускалась исключительно ради удовольствия автора.

– Разумеется, – прохладным тоном произнесла Ребекка.

Теперь, когда Грейс продемонстрировала собственную наивность, журналистка снова вернулась к профессиональной манере. Сейчас тон встречи задавала она. Но Грейс просто не могла сдержаться, увидев свою книгу во плоти. Пока, конечно, не совсем во плоти, но творение Грейс увидит свет уже совсем скоро, в начале нового года. Самое подходящее время для выпуска литературы подобного рода – во всяком случае, так считали литературный агент Сарабет, редактор Мод и пресс-агент Джей-Колтон (да, именно так бедняжку и звали). На протяжении стольких месяцев вносились всевозможные правки, и вот наконец явные результаты труда. Грейс по-прежнему радовалась любым осязаемым свидетельствам того, что все это происходит на самом деле, – когда увидела гранки, подписала контракт, получила чек (последний обналачила незамедлительно, будто боялась, что исчезнет), прочла свою фамилию и название книги в каталоге. Весной Грейс проводила презентацию книги во время конференции издателей, посвященной продажам. Слушательницами выступали непрерывно строчащие в блокнотах, усталые с дороги репортерши. Писательницу встретили приветливыми улыбками, а потом несколько человек украдкой подошли спросить совета по поводу собственных семейных проблем. Да, пора привыкать, подумала Грейс.

Особенно ее ошеломил один безумный день год назад, когда Сарабет звонила каждый час, докладывая потрясающие новости. Кто-то уже заинтересовался книгой. Потом еще кто-то, и не один, а двое. Нет, трое. Речь свою Сарабет пересыпала диковинным, непонятным жаргоном – «число предварительных», «дно». Какое еще дно, ломала голову Грейс. Потом Сарабет принялась рассуждать про аудио- и электронные книги, а также выступление на программе, о которой Грейс первый раз в жизни услышала, когда подписывала контракт. Все это было совершенно невероятно. Сколько лет Грейс читала в журналах о том, что издательское дело умирает, но там, где ожидала увидеть труп еще одного отжившего производства вроде сталелитейных заводов или золотоносных шахт, жизнь была ключом. Грейс поделилась этими соображениями с Сарабет, когда на третий день аукциона неожиданно была сделана новая ставка, повлекшая за собой череду новых. Сарабет засмеялась и бодро ответила, что в основном вокруг новых авторов особой суеты не наблюдается, за исключением тех случаев, когда книга «попадает в мейнстрим». Похоже, Грейс и ее произведению «Ты должна была знать» это удалось.

Над книгой Грейс работала два года, в перерывах между приемами сидя перед открытым ноутбуком за столом в углу кабинета. Трудилась в спальне домика на озере с видом на темную воду, высокие дубы и причал и на кухне квартиры на Восемьдесят первой улице, когда Джонатан пропадал в больнице или, усталый, спал без задних ног, а Генри видел сны с открытой книгой на груди и включенным ночником. Грейс сидела за работой с кружкой имбирного чая в опасной близости к клавиатуре и с черновиками, покрывавшими рабочий стол до самой раковины. Рядом высились старые папки, уклеенные разноцветными стикерами. Давние мысли и идеи Грейс постепенно обретали плоть и кровь, и какую! Доводы звучали взвешенно и авто-

ритетно, а о том, что обладает глубокой житейской мудростью, Грейс узнала, только прочтя первые наброски. Она с удивлением поняла, что ко многим заключениям пришла еще до того, как начала карьеру пятнадцать лет назад. Как это понимать? Значит, за все годы Грейс ничему не научилась? Или чутье подсказывало правильный путь с самого начала? Грейс вообще не помнила, как научилась делать свою работу. Конечно, она проходила практику, читала научные работы и писала статьи сама, повышала квалификацию и получала степени. Но работа заключается не только в этом. Интуитивно Грейс всегда знала, как быть психологом. Она не могла вспомнить времени, когда не имела представления, как себя вести. Едва поднявшись со студенческой скамьи, Грейс уже была таким же эффективным профессионалом, как и теперь. Сидя в этом маленьком, аккуратном кабинете, помогала супружеским парам наладить отношения и предостерегала женщин от вступления в брак с мужчинами, с которыми они никогда не будут счастливы.

Грейс понимала – эти таланты не делают ее выдающейся и особенной и даже не свидетельствуют об особом уме. Грейс не считала свои способности божьим даром – религиозные вопросы вообще представляли для нее интерес только с исторической, культурной или художественной точки зрения. Грейс рассматривала собственное умение скорее как сочетание естественных склонностей и благоприятной среды для их развития. Как, например, у юной балерины, которой посчастливилось иметь и подходящее телосложение, и родителей, готовых возить дочку на занятия. По какой-то причине – а может, вовсе без причины – Грейс Рейнхарт-Сакс обладала незаурядной проницательностью и склонностью к наблюдениям за людьми. А отточила эти таланты среда, общение и дискуссии с единомышленниками. Грейс не умела ни петь, ни танцевать, ни складывать и вычитать в уме большие числа. Не играла на музыкальных инструментах, как сын, и не спасала умирающих детей, как муж, – хотя обладать обоими этими талантами было бы для нее огромным счастьем и честью. Но, сидя перед человеком, Грейс с удивительной быстротой и точностью подмечала, какие ловушки он сам перед собой расставляет и что должен делать, чтобы в них не угодить. А если клиентка уже в ловушке – как чаще всего и бывало, иначе она бы не пришла, – Грейс могла подсказать способ вырваться на свободу.

Тот факт, что, записав эти очевидные истины, Грейс удостоилась чести принять в своем скромном кабинете репортера «Вог», был сам по себе весьма приятным и лестным. Однако Грейс не уставала удивляться – кому придет в голову брать интервью у человека, утверждающего, что за днем следует ночь или что мировая экономика в кризисе? К чему восхищаться простейшими, элементарными выводами? Иногда, размышляя о книге и будущих читательницах, Грейс невольно ощущала что-то вроде стыда. Будто выдавала за волшебное, чудодейственное средство витамины, продающиеся в любой аптеке. Однако лишний раз повторить некоторые простые, но важные правила никогда не помешает.

Несколько недель назад Грейс обедала в отдельном кабинете «Крафт» с профессионально циничными, но любящими свое дело книжными обозревателями в прессе. Под звуки позвякивающих серебряных приборов Грейс рассказывала о книге, отвечала на предсказуемые вопросы – один из которых исходил от враждебно настроенного мужчины в ярко-красном галстуке-бабочке – и объясняла, что отличает «Ты должна была знать. Почему женщины слушают, но не слышат мужчин» от других многочисленных книг на тему отношений. Однако у Грейс создалось впечатление, что журналистов больше интересовали великолепные блюда, приготовленные Томом Количчио. Увы, Грейс потратила слишком много времени, слушая сидевшую напротив редакторшу, – та принялась долго и нудно жаловаться на собственный дорогостоящий бракоразводный процесс. Поэтому, когда официант забрал тарелку, Грейс, к сожалению, не успела воздать должное ножке ягненка. А просить, чтобы завернули с собой, показалось Грейс несолидным.

Но после обеда Джей-Колтон позвонила с отличными новостями. Результатом встречи стали многочисленные предложения об интервью, в том числе и на телевидении. Та самая редакторша, которой развод достался дорогой ценой, пообещала статью в популярном глянце-вом журнале, а враждебный мужчина в бабочке собирался поместить заметку в Ассошиэйтед Пресс. Даже Грейс вынуждена была признать, что дело стоило того. А потом было назначено время для интервью журналу «Вог». Лед тронулся.

По просьбе редакторши Мод Грейс написала небольшую статью о том, почему в январе подаются на развод больше пар, чем в любом другом месяце (если в общих чертах – стрессы праздничного сезона плюс готовность начать новую жизнь с нового года). А потом – теперь уже по просьбе Джей-Колтон – посетила весьма своеобразное занятие, где учили, как вести себя во время съемок на телевидении. Под каким углом поворачивать голову в сторону ведущего, как расположить к себе зрителей в студии, с какой громкостью говорить и как ввернуть упоминание о своей книге, когда беседа идет совсем о другом, не производя при этом впечатление самолюбленного попугая. Во всяком случае, Грейс надеялась, что последний пункт выполним.

– Моя редактор прислала недели две назад, – проговорила Ребекка, положив гранки на стол рядом с коробкой бумажных платков. – Я прочитала, мне понравилось. Обычно в подобной литературе не принято предостерегать: сделаешь глупость, потом не удивляйся, когда начнутся проблемы. Только, по-моему, ваша прямота отдает беспощадностью. Обычно в книгах такого рода авторы высказываются мягче, деликатнее.

Понимая, что это рассуждение можно считать сигналом о начале интервью, Грейс попыталась изобразить самые выигрышные позу и тон, которым ее учили. Ответила она не своим обычным, «повседневным» голосом, а тем, что приберегала для особых случаев и клиентов. Грейс называла его «терапевтическим».

– Понимаю вашу мысль. Но, откровенно говоря, считаю, что, щадя читателей, оказываешь медвежью услугу. Думаю, женщины вполне готовы услышать то, что я хочу донести. Мы взрослые люди и не нуждаемся в том, чтобы нас ограждали и берегли. Если человек принял неверное решение, он должен это понять, иначе как он исправит ситуацию? Всегда повторяю клиенткам: нужен человек, который скажет, что все будет хорошо, что испытание – полезный урок, делающий нас сильнее, или еще какую-нибудь банальность. Тогда вы обратились не по адресу. То же касается и моей книги. – Грейс улыбнулась. – Пойдите в магазин и выберите какую-нибудь другую. Любую. Например, «За семейное счастье нужно бороться, или Любовь творит чудеса».

– Да, но у вашей книги даже название довольно... суровое. «Ты должна была знать». Приведу пример – допустим, журналисты узнали, что какой-нибудь политик выложил в «Твиттер» фотографию своего пениса или у него вторая семья. И вот, его показывают по телевизору, а рядом стоит потрясенная жена. По-вашему, он ее предупреждал и она вовсе не должна удивляться?

– Безусловно, жена ошарашена совершенно искренне, – кивнула Грейс. – Вопрос в том, насколько оправданна ее реакция? Могла ли она избежать неприятного положения, в котором оказалась?

– И поэтому вы выбрали такое название?

– И да и нет, – ответила Грейс. – Вообще-то это был второй из предложенных мной вариантов. Сначала хотела назвать книгу «Будьте внимательны», но и агент, и издательство идею забраковали. Сказали, слишком плоско и недостаточно образно.

– Вот как? – свысока произнесла Ребекка, воспользовавшись случаем блеснуть эрудицией. – Неужели не распознали отсылку к Артуру Миллеру? Все же проходили в старших классах «Смерть коммивояжера».

– Возможно, не все, – тактично ответила Грейс.

Вообще-то «Смерть коммивояжера» их класс проходил еще в средней школе. Нью-Йоркское частное образовательное учреждение Реардон было известно благодаря углубленной программе и легкому социалистскому уклону – впрочем, последний остался в прошлом. Сейчас в седьмом классе этой школы учился сын Грейс.

– В общем, пришлось идти на компромисс. Знаете, что любят говорить женщины, когда мужчина выкидывает какой-нибудь неожиданный для них фортель? «Я ведь и предположить не могла, что он на самом деле *такой*». Они искренне удивлены, когда выясняется, что избранник – бабник, аферист, алкоголик, патологический лгун... Или просто обычный инфантильный эгоист, который, будучи мужем и отцом, предпочитает вести жизнь не обремененного ответственностью подростка.

– Да, так бывает, – с особым выражением произнесла Ребекка. Грейс поняла, что задела слушательницу за живое. Впрочем, именно такого эффекта она и добивалась.

– Когда такие вещи случаются, мы лишь разводим руками. Кто бы мог подумать?.. Снимаем с себя всякую ответственность. Говорим, что мужчин понять невозможно. В общем, всячески отрешиваемся от собственных ошибок. Однако необходимо осознать, что в случившемся есть доля твоей вины. Это в наших же интересах. Иначе снова наступим на те же грабли.

– Вот как? – Ребекка вскинула голову и взглянула на Грейс с неприкрытым осуждением. – Предлагаете сделать козлом отпущения жертву?

– На самом деле в подобных ситуациях нет ни жертв, ни козлов отпущения, – возразила Грейс. – Послушайте, я практикую уже пятнадцать лет. Всякий раз прошу клиенток рассказать о знакомстве с мужем, о первом впечатлении, которое он произвел. И каждый раз думаю: «Вот видишь, ты ведь с самого начала его раскусила!» Заметила, как он заглядывается на всех женщин подряд. Обратила внимание на привычку транжирить деньги. Почувствовала, что этот человек относится к тебе пренебрежительно. Причем выяснилось все это при первом разговоре, на втором свидании или когда она знакомила его с друзьями. Но разве женщина прислушивается к собственным впечатлениям? Нет, она просто отодвигает их на задний план, сосредоточив внимание на других, более приятных качествах. И это они называют, цитирую, «лучше узнать человека». Женщины относятся к собственной интуиции пренебрежительно. Не поверите, с каким упорством мы игнорируем тревожные звоночки. А последствия могут быть самые неприятные. Женщина слушает, но не слышит. Однако признаться в этом не готова, и даже когда похожая ситуация происходит у кого-то из знакомых, не соотносит ее с собой. Удивляется: «И как она сразу не поняла, что от этого типа хорошего не жди?» Так вот, этот же вопрос любительница осуждать других должна задать себе, причем до того, как что-то случится, а не после.

– Но, – Ребекка подняла голову, не переставая быстро строчить в блокноте, – вас послушать, так мужчины злодеи, а женщины белые и пушистые. Однако женщины ведь тоже изменяют, обманывают...

Ребекка нахмурилась. На переносице обозначилась четкая морщинка в форме буквы «V». К счастью, работа в модной индустрии не вынудила ее прибегнуть к инъекции ботулина.

– Да, естественно. Об этом говорится и в моей книге. Тем не менее факт остается фактом: из десяти моих клиентов девять – женщины. Сидят на этой самой кушетке и жалуются, что сердце их разбито, потому что муж якобы «ввел их в заблуждение». Поэтому с самого начала решила, что книга моя будет адресована именно женщинам.

– Понимаю, – произнесла Ребекка, снова склонившись над блокнотом.

– Кажется, взяла чересчур наставительный тон, – смущенно рассмеялась Грейс.

– Нет, тон у вас скорее не наставительный, а пылкий.

Решив, что впредь нужно следить за собой и излагать мысли в более сдержанной манере, Грейс уже спокойнее продолжила:

– Да, не могу спокойно смотреть, как все эти добропорядочные женщины из самых лучших намерений страдают месяцами или даже годами, тратят деньги и душевные силы на абсолютно бесполезных психотерапевтических сеансах, и все для того, чтобы в конце концов понять – их мужа не изменятся к лучшему. Более того, они никогда не предпринимали попыток измениться и даже не высказывали такого желания! В результате женщины эти возвращаются к тому, с чего начали. Они заслуживают услышать правду, а правда заключается в следующем: отношения с мужем не станут лучше, а если и станут, то незначительно, и сама проблема сохранится. Женщина должна осознать, что некоторые проблемы в отношениях просто невозможно решить.

Грейс выдержала паузу – отчасти чтобы Ребекка успела все записать, отчасти – чтобы усилить эффект от идеи, которую Сарабет во время первой встречи назвала «бомбой». Даже после многократных повторений она звучала как революционная. Работая над книгой, Грейс решила писать, что думает. Ее главный совет, по мере приобретения опыта казавшийся все более очевидным, отсутствовал и в руководствах для замужних женщин, и для тех, кто находится в поиске. На профессиональных конференциях, где обсуждались проблемы семьи и брака, ничего подобного вслух не произносилось. Тема была запретная, однако Грейс подзревала, что многие психологи пришли к тому же простому выводу, что и она. Не рискованно ли писать об этом в книге, рискуя навлечь гнев консервативных коллег? Но тогда придется в сотый раз повторять нелепый миф о том, что любые отношения можно и нужно спасти.

– Выберите правильного человека, – продолжила Грейс. Присутствие репортера «Вог» в ее скромном кабинете придавало смелости. Вот на ее бежевой кушетке сидит эта суперухоженная женщина и записывает речь Грейс и на диктофон, и в старомодный блокнот. – А выберете не того – и будет совершенно не важно, насколько вы хотите спасти брак. И насколько этого хочет ваш муж. Все равно ничего не получится.

Ребекка снова вскинула голову и произнесла:

– Как-то слишком... жестко.

Грейс пожала плечами. Глупо спорить с очевидным – и впрямь жестко. Но в таких делах лучше проявить жесткость. Если женщина выбрала не того мужчину, другим человеком ему не стать. Самое большее, чего сможет добиться даже суперталантливый психолог, – супруги заключат перемирие и с грехом пополам смогут ужиться друг с другом. Но картина будет печальная, вдобавок отдающая самобичеванием. Нет, совсем не таким должен быть счастливый брак любящих людей. Если у пары нет детей, лучше всего незамедлительно расстаться. А если дети есть, следует соблюдать взаимное уважение и родительские права друг друга. Ну и, конечно, расстаться.

Нельзя сказать, чтобы Грейс не жалела этих несчастных женщин. Конечно, жалела, причем совершенно искренне.

Перед глазами так и стояли примеры клиенток, обратившихся за помощью слишком поздно – хотели прибегнуть к профилактике тогда, когда следовало оперировать. Но больше всего Грейс удручало то, что все эти беды было легко предотвратить. Клиенты Грейс вовсе не были глупы или наивны. Многие отличались широким кругозором и проявляли завидную проницательность, когда дело касалось других. Некоторые и вовсе были людьми талантливыми и неординарными. Однако в молодости всем им не посчастливилось встретить человека, отношения с которым по всем признакам не могли принести ничего, кроме боли. Так и происходило. Грейс эта зашоренность не только ставила в тупик, но и раздражала. Иногда так и хотелось схватить человека за плечи и как следует встряхнуть.

– Представьте, – обратилась она к Ребекке. – Вот вы в первый раз сидите напротив мужчины. Скажем, на свидании или в гостях у друзей. Вам он кажется привлекательным. Вы его еще не знаете, поэтому просто наблюдаете и строите предположения. Некоторые вещи сразу бросаются в глаза. Вы можете определить, насколько он открыт для общения, каковы его инте-

рессы, умен ли он и привык ли давать своему уму работу. Какие-то основные проявления сразу дают о себе знать, и вы понимаете – вот этот человек добрый, а этот лишен чуткости. Кто-то другой высокомерный, или любознательный, или великодушный. Вы видите, как мужчина общается с вами. Можете определить его приоритеты по тому, что он сочтет нужным рассказать о себе. Например, какую роль в его жизни играют родные, или друзья, или предыдущие отношения. Можно оценить, как он относится к своему здоровью и внешнему виду, ухаживает ли за собой. Следует обратить внимание и на финансовое положение. Причем заметьте, вся эта информация легко доступна. Но...

Грейс выдержала паузу. Ребекка продолжала строчить, не поднимая светловолосой головы.

– Но – что?

– Но тут мужчина рассказывает женщине историю, и не одну. Заметьте, при этом он не врет, не приукрашивает. Бывает, конечно, и так, но даже если нет, женщина сочинит историю за него. Люди по природе своей любят сказки. Женщинам нравится представлять себя главными героинями, принцессами – остается только дожидаться принца. Поэтому, вместо того чтобы наблюдать и слушать, мы домысливаем, присочиняем. Так в голове у нас складывается история о детстве этого мужчины, о его отношениях с женщинами, о работе. И то, каким мы его видим, становится частью сказки. И тут на сцене появляемся мы и занимаем свое место. *«До меня никто не любил его по-настоящему».* *«С другими девушками ему было скучно».* *«Я недостаточно красива для него».* *«Мой сильный характер его не отпугивает, а восхищает».* Однако единственное, на чем основаны эти «выводы», – сочетание слов мужчины и того, что домыслила женщина. Так, глядя на него, она видит сказочного принца из сказки собственного авторства.

– Другими словами, вымышленный персонаж.

– Совершенно верно. Согласитесь, глупо выходить замуж за вымышленный персонаж.

– Но... вас послушать, так женщины просто не могут по-другому.

– Ничего подобного. Достаточно просто подойди к делу чуть-чуть ответственнее и призвать на помощь хоть малую часть той придирчивости, с которой, например, делаем покупки. И многих проблем удастся избежать. Посудите сами. Приходя в магазин за туфлями, примеряем не меньше двадцати пар. Выбирая фирму, которая будет стелить нам ковролин, часами читаем в Интернете отзывы совершенно незнакомых людей. Но когда дело касается личной жизни, теряем всякую осторожность и отмахиваемся от собственных впечатлений только потому, что мужчина кажется нам привлекательным. Или мы просто рады, что он соизволил обратить на нас внимание. Даже если избранник будет держать транспарант с надписью: *«Женюсь только из-за денег, буду ухлестывать за твоими подругами, а ты от меня не дождешься ни любви, ни помощи»*, мы удивительным образом умудряемся игнорировать неблагоприятные признаки. Сначала обращаем внимание, потом всеми силами отмахиваемся.

– Но... – возразила Ребекка. – Бывает же, что женщина сомневается, правильные ли выводы сделала, потому и не решается уйти.

Грейс кивнула – да, о таких давних сомнениях, порождающих нерешительность, говорили многие несчастные женщины. Бедняжки с многочисленными вариациями повторяли одно и то же: *«Я подозревала, что у него проблемы с алкоголем».* *«Я подозревала, что ему ничего нельзя доверить».* *«Я подозревала, что он только позволяет себя любить, но сам ничего не испытывает».*

– Подобного рода сомнения посещают многих, – согласилась Грейс. – Проблема в том, что люди относятся к ним без должного внимания. Сомнение – своего рода дар человеку от природы. Часть инстинкта самосохранения. Не поверите, сколько женщин испытывали страх перед тем, как происходило что-то плохое, и потом, вспоминая ситуацию, понимали, что упустили шанс предотвратить неприятное событие. Иногда внутренний голос говорит: *«Не иди по*

этой улице. Не садись в машину к этому человеку». Однако люди отличаются поразительно развитой способностью затыкать уши и игнорировать подозрения. С точки зрения принципа естественного отбора это по меньшей мере странно, однако меня интересуют более практические, бытовые вопросы. Считаю, что сомнение – вещь чрезвычайно полезная, и нам нужно не отмахиваться от них, а как следует разобраться, оправданны ли они. Даже если в результате придется отменить свадьбу. По опыту моих клиенток, помолвку расторгнуть легче, чем брак.

– Ну, не скажите, – усмехнулась Ребекка. – Видели бы вы свадьбы, на которые меня в последнее время приглашали. Проще Олимпийские игры отменить, чем такое масштабное празднество.

Грейс, конечно, на торжествах у родных и знакомых Ребекки не бывала, но могла себе представить эти дорогостоящие церемонии. У самой Грейс свадьба была скромная – с ее стороны присутствовал только отец, а родители Джонатана и вовсе решили проигнорировать событие. Однако Грейс случалось бывать на множестве до нелепости пышных свадеб в качестве гостя.

– В прошлом месяце, – продолжила Ребекка, – замуж выходила девушка, с которой мы в студенческие годы жили в одной комнате в общежитии. Не поверите, где они устроили свадьбу – в Пак-Билдинг!² Позвали пятьсот человек!

А цветы? На все композиции не меньше пятидесяти тысяч долларов истратили. Я не шучу. А подарки предлагалось выкладывать на длинный стол в соседнем зале, как в старые времена было принято в высшем обществе.

Грейс кивнула. Да, традиция была старинная и, как и многие светские традиции, была возрождена во всем своем меркантильном великолепии. Очевидно, свадьбы современного образца недостаточно наглядно демонстрировали благосостояние семей врачующихся. Родители Грейс женились в Сент-Реджис, и в фойе возле входа в бальный зал тоже был установлен стол с дорогими подношениями. Одюбонское серебро, фарфор от «Хэвиленд», набор бокалов из уотерфордского хрустала... Теперь все эти сокровища угодили в руки Евы, папиной второй жены.

– В качестве подарков молодожены заказали половину ассортимента «Тиффани» и всю навороченную кухонную утварь из «Уильямс-Сонома». Только забыли о двух обстоятельствах, – рассмеялась Ребекка. – Она не готовит, а он парень простой и серебряными приборами есть нипочем не станет.

Грейс кивнула. Похожие истории она в этом кабинете выслушивала тысячи раз. Сидя на кушетке, клиентки рассказывали, каких великих трудов стоило разыскать те самые мятные конфеты пастельных цветов, которые предлагались в качестве угощения на свадьбе родителей невесты. Оказалось, купить это лакомство можно только в маленькой семейной кондитерской в Ривингтоне. Другим непременно требовались медальоны с гравировкой для подружек невесты. Третьи сбивались с ног, желая взять напрокат конкретную модель винтажного автомобиля. А после свадьбы где-нибудь в Гансворте отправляются в медовый месяц. Ведь счастливая семейная жизнь должна начинаться с десяти дней на Сейшелах. Причем отель надо выбрать тот, в котором останавливалась какая-нибудь звездная пара молодоженов, а поселиться следует в хижине на сваях, вокруг которых плещется пронзительно-голубой Индийский океан.

Именно в этой романтической обстановке и происходила ссора, которой суждено было бросить тень на всю великолепную свадьбу, и даже много лет спустя клиенты не могли говорить о ней равнодушно. И Грейс понимала, почему так получалось, – эти двое пробуждали друг в друге худшие черты и наклонности.

² Пак-Билдинг – историческое здание в районе Нолита на Манхэттене. Северная часть здания была построена в 1885–1886 гг., южная пристроена в 1892–1893 гг. В настоящее время используется как офисное здание. Также в Пак-Билдинг на верхнем и нижнем этажах размещены залы для проведения торжеств.

Иногда ее просто зло брало на всю раздутую свадебную индустрию. Достаточно будет заменить роскошную, баснословно дорогую современную свадьбу тихим венчанием в присутствии ближайших родственников и друзей – и половина женихов и невест хорошо подумает, прежде чем совершать ответственный шаг. Или устраивать пышный праздник не на саму свадьбу, а на ее двадцатипятилетнюю годовщину, когда муж облысеет, а жена растолстеет после родов. Тогда и в самом деле будет что отметить. Но увы, происходило все с точностью до наоборот.

– Сомнение – дар человеку, – вслух перечитала фразу Ребекка, будто пробуя ее на вкус и проверяя, получится ли из нее слоган. – Отлично сказано.

Сразу было видно, что жизнь сделала Ребекку циничной. Да и саму Грейс тоже.

– Поймите правильно – я верю, что человек может измениться к лучшему, – произнесла Грейс, стараясь, чтобы слова не прозвучали так, будто она оправдывается. – Конечно, для этого требуется огромная смелость и самоотверженность. Однако есть примеры, когда людям удается достичь цели. Но мы тратим столько душевных сил на попытки помочь другому человеку измениться, а между тем намного проще было бы направить часть этих титанических усилий на то, чтобы избежать подобной ситуации! Разве не правильнее распределять энергию разумно?

Ребекка рассеянно кивнула – она была занята и строчила, как одержимая. Левая рука сжимала порхавшую по широким строкам ручку так, что побелели костяшки. Наконец Ребекка записала то, что так хотела ухватить, подняла голову и тоном заправского психолога попросила:

– Расскажите подробнее.

Грейс набрала полную грудь воздуха и продолжила. Главная ирония заключается в том, объясняла Грейс, что, когда спрашиваешь женщину, какие качества в партнере ее привлекают, слышишь ответ здравомыслящего, проницательного, зрелого человека. Все ищут одного и того же – защиты и опоры, взаимопонимания, заботы. Все хотят встретить человека, рядом с которым становишься лучше, каждая мечтает о тихой семейной гавани. Но, начав разбирать их браки, выясняешь, что ничего этого женщина не получает. Мудрые и красноречивые рассуждения так и остаются словами.

В результате такая женщина вынуждена тащить на себе весь груз трудностей одна, воевать с собственным мужем или терпеть унижения. Одни чувствовали себя матерями-одиночками, другие жили в атмосфере постоянных ссор, борьбы или ограничений. И все потому, что когда-то ответили «да» не тому человеку. Эти женщины обращаются к психологу, желая отремонтировать вещь, не подлежащую починке. Вот почему так важно улавливать предупреждения заранее, а не потом.

– Я скоро выхожу замуж, – ни с того ни с сего выпалила Ребекка, закончив записывать рассуждения Грейс – или хотя бы их часть.

– Поздравляю, – ответила Грейс. – Искренне за вас рада.

Ребекка рассмеялась:

– Странно слышать это от вас!

– А между тем я говорю совершенно искренне. Желаю хорошей свадьбы и, что гораздо важнее, счастливого брака.

– Значит, счастливые браки все-таки бывают? – уточнила Ребекка, явно наслаждаясь ситуацией.

– Ну конечно. Если бы не верила в возможность семейного счастья, не сидела бы в этом кабинете.

– И не вышли бы замуж, верно?

Грейс ответила сдержанной улыбкой. Ей трудно было пересилить себя и поделиться подробностями частной жизни, но, увы, издательство настаивало. Психологи не рассказывают клиентам о себе, зато писатели читателям – сколько угодно. Грейс пообещала Джонатану, что

постарается как можно меньше говорить об их семейной жизни и личных делах. Впрочем, внезапный интерес прессы к жене смущал его гораздо меньше, чем ее саму.

– Расскажите про своего мужа, – попросила Ребекка.

Что ж, этого следовало ожидать.

– Его зовут Джонатан Сакс. Познакомились еще студентами. Нет, учились не вместе. Я получала образование в колледже, а он – в медицинском институте.

– Значит, ваш муж врач?

Педиатр, ответила Грейс. Название больницы, где работал Джонатан, называть не стала. И без того, стоило поискать в Интернете собственные имя и фамилию, сразу вылезла вышедшая несколько назад коротенькая заметка в «Нью-Йорк мэгэзин», написанная в рамках цикла «Лучшие врачи». На фотографии – Джонатан в больничной форме, выщипавшие темные волосы отросли дальше той отметки, начиная с которой Грейс принималась пилить мужа, чтобы подстригся. На шее – неизменный стетоскоп, из нагрудного кармана торчит большой круглый леденец. Джонатан старался улыбнуться, но вид у него был измученный, усталый. На коленях у мужа сидел смеющийся лысый мальчик.

– Дети есть?

– Сын. Генри. Двенадцать лет.

Ребекка кивнула, будто так и думала. Вдруг кто-то позвонил в дверь.

– Отлично, – обрадовалась Ребекка. – Рон приехал.

Видимо, Рои – это фотограф. Грейс встала, чтобы впустить его. Рои стоял в вестибюле, окруженный тяжелыми металлическими ящиками. Когда Грейс открыла дверь, фотограф набирал на мобильном телефоне сообщение.

– Здравствуйте, – произнесла Грейс – главным образом для того, чтобы привлечь его внимание.

– Здравствуйте, – ответил он довольно приветливо, вскидывая голову. – Я Рои. Вас ведь предупредили?

Они пожали друг другу руки.

– А где же команда парикмахеров и визажистов? – поинтересовалась Грейс.

Рон странно посмотрел на нее. Не распознал шутку.

– Шучу, – рассмеялась Грейс, хотя втайне была разочарована, что ни шикарной прически, ни профессионального макияжа не будет. А она уж было размечталась... – Проходите.

Рон с немалым трудом втащил в кабинет два первых ящика, потом вернулся за остальными. Ростом примерно с Джонатана, подумала Грейс, и телосложение было бы одинаковое, не веди муж упорную борьбу с тем самым брюшком, которое, похоже, вполне устраивало Рона.

– Привет, – сказала подошедшая Ребекка. Теперь все трое стояли в вестибюле, который по размеру был даже меньше кабинета. Рону, судя по выражению лица, обстановка не нравилась – пара кресел с деревянными подлокотниками, ковер Навахо и старые номера «Нью-Йоркера» в плетеной корзине на полу.

– Снимать будем в кабинете? – уточнила Ребекка.

– Посмотрим.

Видимо, кабинет пришелся Рону больше по вкусу, чем приемная. Он установил осветительный прибор и изогнутый белый экран, потом начал доставать из ящика камеры. Грейс стояла возле дивана, будто очутившись не в своих владениях, а в гостях. Оставалось только беспомощно наблюдать, как ее кожаное кресло вытаскивают в вестибюль. Стол пришлось отодвинуть, чтобы поставить осветительный прибор, напомилавший горячую светящуюся коробку на хромовой ножке. Экран Рои установил около противоположной стены.

– Обычно работаю с ассистентом, – непонятно зачем сообщил фотограф, однако развивать мысль не стал.

Значит, для Рона это – пустяковое проходное задание, сразу подумала Грейс.

– Красивые цветы, – продолжил фотограф. – Возле стены будут смотреться отлично. Надо переставить так, чтобы попали в кадр.

Грейс кивнула. Приходится отдать Сарабет должное – эта женщина знала, что делает.

– Не хотите...

Рон смущенно запнулся и покосился на Ребекку. Та стояла, скрестив руки на выдающемся бюсте.

– Привести себя в порядок? – договорила она, из репортера сразу превратившись в фото-редактора.

– Д-да, конечно.

Грейс направилась в крошечную ванную – настолько крошечную, что одна клиентка с ожирением как-то устроила истерику из-за того, что не могла протиснуться внутрь. Освещение здесь тоже было неважное, о чем Грейс сейчас горько пожалела. Даже если бы она обладала умением преобразиться из обычной женщины в даму, достойную появиться на страницах любимого журнала «Вог», Грейс сомневалась, что подобную метаморфозу возможно осуществить в столь тесном, полутемном помещении. За отсутствием лучшего умылась мылом для рук и вытерлась бумажным полотенцем. Процедура умывания видимого эффекта не оказала, и Грейс с унылым видом уставилась на знакомую физиономию. Выудила из сумки тюбик с тональным кремом и помазала под глазами, но разницы снова не заметила. Разве что теперь вместо просто усталой женщины на нее смотрела усталая женщина с тональником под глазами. Кто такая Грейс, чтобы столь пренебрежительно относиться к съемке для «Вог»?

Стоит ли позвонить Сарабет, или не стоит беспокоить агентессу по пустякам? За последние несколько месяцев Грейс заметила, что старается не отрывать Сарабет от «важной», «настоящей» работы, то есть работы с *настоящими* писателями. Подумать только – вдруг она прервет важнейшие переговоры с обладателем Национальной премии общества критиков США? И для чего – чтобы спросить, можно ли перед съемкой по-быстрому сбежать к косметологу! А что делать с волосами? Оставить в аккуратном тугом пучке, скрепленном крупными шпильками для волос (последние продавали в комплекте с пластиковыми бигуди, которые все больше устаревали, поэтому купить их становилось все труднее). Может, лучше распустить? Но тогда Грейс будет похожа на неряшливого подростка. Впрочем, печально подумала она, за подростка ее с любой прической не примут.

Впрочем, что ни говори, Грейс зрелая личность, самостоятельная женщина, не лишенная изящества, а на плечах ее лежит много дел и забот. Грейс давно уже определила простые стандарты, которым должен соответствовать ее внешний вид, и с тех пор не выходила за их рамки. Грейс радовалась, что не приходится постоянно изобретать новые стили, а также тратить силы на погоню за недостижимым идеалом. Она знала, что многие находят ее образ чересчур строгим и чопорным, однако не желала выставлять на обозрение посторонних ту Грейс, которая, отдыхая в домике на озере, не вылезает из джинсов, а как только приходит с работы, первым делом распускает волосы.

Вообще-то она *достаточно* молода. И *достаточно* привлекательна. И *достаточно* компетентна. Дело в другом. Пожалуй, Грейс смущала свалившаяся известность. Выскажи Сарабет мысль нанять длинноногую красавицу актрису, чтобы сыграла роль автора книги, Грейс нашла бы предложение соблазнительным. Можно надеть актрисе на ухо специальный наушник, через который Грейс будет подсказывать правильные ответы. Пусть красавица с умным видом изрекает: «В подавляющем большинстве случаев потенциальный спутник жизни при первом же знакомстве сообщит все, что вам необходимо знать». А ведущие – Мэтт Лауэр или Эллен Дедженерес – с серьезным видом кивают. «Ничего, я девочка большая и справлюсь сама», – решила Грейс, рассеянно смахнув с зеркала пыль. Потом вернулась в кабинет.

Теперь в ее кресле сидела уткнувшаяся в телефон Ребекка, а журнальный столик поставили под углом к кушетке. В центре красовались розы и гранки книги. Грейс сразу поняла, куда ей следует сесть. Естественно, на кушетку.

– Восхищаюсь такими людьми, как ваш муж, – проговорила Ребекка из вестибюля.

Грейс смутилась:

– Да... спасибо...

– Не представляю, сколько мужества и самоотверженности нужно для такой работы.

Рои, уже глядевший сквозь объектив одной из камер, уточнил:

– Какой – такой?

– Он врач, лечит детей, больных раком.

– Джонатан педиатр и онколог, – ровным голосом проговорила Грейс. – В Мемориальном центре.

Полностью название звучало Мемориальный раковый центр Слоун-Кеттеринг. Грейс не могла дожидаться, когда они наконец оставят эту тему.

– Да, я бы не выдержал. Он у вас просто святой.

– Джонатан хороший врач, – произнесла Грейс. – И специализируется в очень трудной области.

– Нет, я бы точно не смог, – повторил Рон.

А тебя никто и не просит, раздраженно подумала Грейс.

– Я тут думала, что делать с прической, – сообщила она, надеясь отвлечь и репортера, и фотографа от этой темы. – Как вы считаете? – Грейс дотронулась до строгого пучка на затылке. – Если надо, могу распустить. У меня и расческа с собой.

– Нет, оставим как есть, лицо лучше просматривается. Договорились?

Однако обращался Рон не к Грейс, а к Ребекке.

– Ладно, попробуем, – кивнула та.

– Хорошо.

Рон снова вскинул камеру и сказал:

– Расслабьтесь, снимок пробный.

Прежде чем Грейс успела ответить, раздался громкий металлический щелчок. Она сразу натянулась как струна и напряженно застыла.

– Не бойтесь, больно не будет, – рассмеялся Рон. – Вам удобно?

– Это как сказать, – попыталась улыбнуться Грейс. – Ни разу не фотографировалась. В смысле, для журнала.

Браво, если с ней обращались, как с ребенком, до этого признания, теперь будет еще хуже, подумала Грейс. Боевой дух окончательно ее покинул.

– Поздравляю, начало впечатляет – сразу попали в «Вог»! – весело отозвался Рон. – Не волнуйтесь, сделаем из вас конфетку! Потом будете листать журнал и удивляться, кто эта супермодель!

Грейс ответила неискренним смешком и попыталась сменить позу на более расслабленную.

– Так гораздо лучше! – бодро воскликнула Ребекка. – Только ноги расположите в другую сторону. Угол получится более лестный. И положите ногу на ногу.

Грейс подчинилась.

– Начнем! – бодро объявил Рон и принялся щелкать с бешеной скоростью, то наклоняясь, то приседая на корточки. Грейс казалось, что снимки, которые он делает, будут похожи один на другой, как две капли воды.

– Как называется ваш роман? – спросил Рон, желая поддержать разговор.

– Роман?.. Нет, романов я не пишу. Да и не умею.

Наверное, надо отвечать короче, подумала Грейс. Иначе на фотографиях она получится с открытым ртом.

– Как это – не пишете? – спросил Рон, не отвлекаясь от дела. – А я думал, вы писательница.

– Нет... то есть да... Я написала книгу, но я не писательница. В смысле... – Грейс нахмурилась. – Я написала книгу о браке. Специализируюсь на работе с супружескими парами.

– Она психолог, – вклинилась Ребекка.

Но, с другой стороны, разве авторство книги не делает из нее писательницу, озадачилась Грейс. И вдруг ей пришло в голову, что ее могли не так понять.

– Книгу я написала сама, – произнесла она таким тоном, будто отбивалась от обвинений. – Никого не нанимала.

Рон перестал снимать и уставился на цифровой монитор. Не поднимая глаз, велел:

– Сдвиньтесь немного влево. Нет, влево по отношению ко мне. И отклонитесь немного назад. Вот так.

Рон задумался:

– Наверное, с волосами все-таки надо было что-то сделать.

– Ерунда, прокатит, – отмахнулась Ребекка.

Грейс завела руку за голову и ловко выдернула три шпильки. На плечо упал темно-русый, тщательно увлажненный при помощи правильного ухода локон. Грейс собиралась распустить всю прическу, но Рон ее остановил.

– Не надо, так эффектнее, – возразил он. – Получается своего рода скульптурный эффект. Мне со стороны виднее. Ваши темные волосы замечательно контрастируют с цветом блузки.

Грейс не стала поправлять Рона, хотя, конечно, одета была вовсе не в блузку, а в мягкий, тонкий свитер из серо-бежевого кашемира. Таких у нее было штук пять, не меньше. Однако Грейс не собиралась обсуждать предметы своего гардероба с Роном, пусть даже этот парень – фотограф «Вог».

Потом Рон переставил вазу. Чуть-чуть подвинул листы с гранками.

– Отлично, – объявил он. – Теперь приступим.

Фотограф снова принялся щелкать. Ребекка молча наблюдала. У Грейс от такой ответственности перехватило дыхание. На кушетку она почти никогда не садилась, и с нового угла кабинет смотрелся немножко непривычно. В первый раз Грейс заметила, что постер Элиота Портера висит неровно, а на выключателе у двери темное пятнышко. Надо сказать, чтобы почистили, подумала Грейс. А заодно сменить постер на что-нибудь новенькое. Элиот Портер ей надоел. Да и кому он не надоел?..

– Значит, книга о браке, – ни с того ни с сего произнес Рон. – Нужна большая смелость, чтобы взяться за такую популярную тему. О семейной жизни много пишут.

– Это тот случай, когда слишком много не бывает, – возразила Ребекка. – Дело ответственное, очень важно не ошибиться.

Рон опустил на одно колено и сделал фотографию с нового угла. Грейс попыталась вспомнить, для чего используется этот прием – чтобы зрительно укоротить или удлинить шею?

– А я вот как-то особо не заморачивался. Думал, встретишь женщину, и если она та самая – просто почувствуешь, и все. С женой как раз так и вышло. Потом пришел домой и сказал другу, с которым снимал квартиру: «Эта девушка – то, что надо». Любовь с первого взгляда и все в таком духе.

Грейс от досады прикрыла глаза. Но потом сообразила, что ее снимают, и снова открыла. Рон между тем отложил одну камеру и принялся возиться с другой. Воспользовавшись шансом, Грейс заговорила:

– В том-то и проблема, что люди слишком полагаются на пресловутое «просто почувствуешь», а тех, кто не произвел впечатления с самого начала, даже не рассматривают. Лично

я считаю, что не существует никаких «вторых половинок». На самом деле есть много разных людей, с которыми у вас могли бы сложиться хорошие, гармоничные отношения. Вы встречаете их каждый день. Но все так очарованы идеей любви с первого взгляда, что обращают внимание только на быстрые, дешевые эффекты.

– Повернитесь, пожалуйста, в другую сторону, – прервала Ребекка.

С таким же успехом могла бы попросить «заткнитесь, пожалуйста», подумала Грейс. Теперь Ребекка сидела в ее кресле за ее столом. Заметив, что Грейс это неприятно, ободряюще улыбнулась. Стало еще неприятнее.

Но было и еще одно обстоятельство, заставлявшее ощущать дискомфорт. Изогнувшись в неестественной, неудобной позе на кушетке для клиентов и фотографируясь для «Вог», на страницах которого точно не будет напоминать супермодель, Грейс поначалу не задумывалась на эту тему, однако факт оставался фактом. Подобно фотографу Рону, подавляющему большинству клиентов и значительному количеству будущих читателей, Грейс и сама «просто почувствовала». В первый раз увидев Джонатана Сакса, сразу поняла, что станет его женой и будет любить этого мужчину всю жизнь. Это обстоятельство Грейс скрывала и от агентессы Сарабет, и от редакторши Мод, и от пресс-агента Джей-Колтон. Не собиралась признаваться ни будущей невесте Ребекке, ни Рону, который, так же, как она, сразу узнал своего человека. С Джонатаном они познакомились осенью. В компании подруги Виты и ее бойфренда Грейс отправилась на вечеринку в честь Хеллоуина, устроенную студентами-медиками в темном подвале института. Вита и бойфренд сразу присоединились к веселью, но Грейс надо было забежать в туалет. В результате она заблудилась в подвальных коридорах, ощущая все большее раздражение и даже легкий страх. Но тут вдруг наткнулась на человека, которого мгновенно узнала, хотя была уверена, что никогда раньше не встречала. Это был тощий парень с растрепанными волосами и незелегантно отросшей длинной щетиной. На нем была футболка с эмблемой университета, а в руках незнакомец нес пластиковый таз с грязной одеждой. Наверху стопки покачивалась книга о Клондайке. Заметив Грейс, парень приветствовал ее сногсшибательной улыбкой, от которой в темном коридоре стало светлее. Грейс приросла к месту и поняла, что это начало новой жизни. Не успела она сделать вдох, а этот парень, о котором Грейс не знала ничего, даже имени, вдруг стал самым близким, дорогим, желанным и необходимым человеком на свете. Грейс просто почувствовала! Потому и выбрала его. В результате теперь у нее были прекрасная жизнь, прекрасный муж, прекрасный ребенок, прекрасный дом и прекрасная работа. В ее случае счастье помогла обрести та самая любовь с первого взгляда, однако подобное везение бывает не у всех, и со стороны Грейс было бы безответственно рассказывать о подобных вещах клиенткам.

– Может, сделаем парочку крупных планов? Не возражаете? – спросил Рон.

«Интересно, почему я должна возражать?» – подумала Грейс. Она-то думала, что вовсе лишена права голоса.

– Хорошая мысль, – откликнулась Ребекка, подтверждая, что вопрос предназначался ей.

Грейс подалась вперед. Линза объектива очутилась совсем близко, всего в нескольких дюймах от ее лица. Грейс стало любопытно – если заглянуть туда, увидишь ли с другой стороны глаз фотографа? Однако взгляду ее представилось только темное стекло. Раздалось оглушительно громкое щелканье. «Значит, фотограф может видеть меня через объектив, а я его – нет», – отметила Грейс. Потом подумала, что, пожалуй, чувствовала бы себя приятнее, скрываясь по другую сторону золотисто-карий глаз Джонатана. Впрочем, сколько помнила Грейс, муж ни разу не держал в руках камеру и тем более не снимал ее вблизи. По умолчанию главным фотографом в семье считалась Грейс. Однако к помощи навороченного оборудования не прибегала, да и в плане мастерства до Рона ей было далеко. И вообще, Грейс не могла сказать, что это занятие пробуждало в ней особый энтузиазм. Да, это она снимала дни рождения и родительские дни в летнем лагере. Она сфотографировала Генри заснувшим в маскарадном

костюме Бетховена с жабо и париком, играющим с бабушкой в шахматы... И свою любимую фотографию Джонатана Грейс тоже сделала сама – у озера, через несколько минут после окончания заезда в честь Дня памяти. Джонатан как раз плеснул на себя водой из пластикового стакана. Лицо выражает неприкрытую гордость и скрытое желание. Впрочем, возможно, Грейс кажется, будто лицо Джонатана выражает желание, только потому, что теперь она знает – судя по подсчетам, всего через несколько часов будет зачат Генри. Джонатан поужинал, потом долго стоял под теплым душем, затем лег с Грейс в ее детскую кровать. Вот он покачивается над ней, произнося ее имя снова и снова, и Грейс была совершенно счастлива. Даже не потому, что очень хотела ребенка. В этот момент все соображения, даже это, отступили на второй план. Для Грейс имел значение только он, Джонатан. И теперь эта фотография пробуждает приятные воспоминания. Глаза на снимке и глаза, скрывающиеся за камерой.

– Замечательно! – Рои опустил камеру, и Грейс снова увидела его глаза – ничем не примечательные карие. Застеснявшись своих мыслей, Грейс смущенно рассмеялась.

– Да нет, правда хорошо получилось, – не понял Рои. – Ну все, дело сделано.

Глава 2

Мама – лучшая работа

Дом Салли Моррисон-Голден на Восточной Семьдесят четвертой улице имел запущенный вид, причем совершенно намеренно. Подобное впечатление жилище производило начиная с фасада. На окнах висели горшки с неприметной зеленью – одна половина засыхала, вторая уже засохла. С металлической решетки над дверью свисал сдувшийся красный шар. Находился дом на зеленой боковой улице между двумя безупречно элегантными городскими особняками из бурого песчаника. Оба строились «под старину» – вероятно, над проектами работал один архитектор. Сверкая идеально чистыми оконными стеклами и хвастаясь роскошными цветочными композициями, оба дома, казалось, терпели присутствие неопрятного соседа с привычным недовольством.

Когда перед Грейс открыла дверь плотная, коренастая няня из Германии, вызывающий бардак предстал во всей красе. В этом доме беспорядок царил везде и всюду, начиная с порога. Например, дверь нельзя было распахнуть полностью, потому что за ней громоздились набитые пакеты из супермаркета. От коридора до кухни, а от кухни до лестницы пол практически ровным слоем усыпали игрушки и другие свидетельства присутствия в доме детей. Оставалось только гадать, какой кавардак устроен на втором этаже. И все это конечно же нарочно, отметила Грейс, шагнув внутрь, пока няня (Хильда?.. Хельга?..) придерживала дверь. В этом городе толстосумов Салли была самой богатой женщиной из всех, кого Грейс знала лично. В числе ее домашней прислуги наверняка имелся кто-то, в чьи обязанности входило наводить если не идеальную чистоту, то хотя бы относительный порядок, пусть даже в доме растут четверо детей. Не говоря уже о двух детях Саймона Голдена от первого брака – те приезжали в гости по выходным со своими школьными принадлежностями, спортивным инвентарем и электронными гаджетами. И все же Салли подобные порядки – вернее, беспорядки – устраивали. Разбросанная обувь, стопки старых номеров «Обсервер» и «Таймс», пакеты из магазинов детских товаров и домашней утвари, не дававшие подступиться к лестнице. Грейс подсчитала в уме – пять минут на то, чтобы все это унести, разобрать и сложить освободившиеся пакеты туда, где хозяевам удобно хранить их для дальнейшего использования. Еще две минуты, чтобы отложить чеки, – вдруг потребуется что-то вернуть или обменять? Потом отрезать ярлыки с одежды и отнести ее в кладовку. Отнести краски и бумагу в детскую. И наконец, выкинуть оберточные материалы в мусорное ведро. На все эти действия уйдет максимум одиннадцать минут, и ничего сложного. Элегантному дому в стиле неогрек никак не удавалось блеснуть во всей красе – молдинги с зубчатыми орнаментами и штукатурка на стенах скрывались под как попало развешанными листами бумаги с детскими каракулями и аппликациями из макарон. Такой коридор уместнее смотрелся бы в детском саду. Даже ктуба³, по традиции красиво, торжественно оформленная и напоминавшая страницу из Келлской книги⁴, висела в самодельной рамке из палочек от леденцов. Местами виднелись прилипшая пыль и островки засохшего клея. Хотя чему удивляться, подумала Грейс. Салли обратилась в иудаизм по просьбе будущего мужа, а после свадьбы без малейшего труда переняла его легкомысленное отношение ко всему традиционно иудейскому.

Грейс пошла на шум и оказалась в новой пристройке, призванной увеличить размер кухни. Там и обнаружилась Салли в компании приторно-льстивой Аманды Эмери и Сильвии Штайнметц, в одиночку воспитывающей ребенка-вундеркинда Дейзи Штайнметц. Девочку

³ Ктуба – иудейский брачный договор.

⁴ Келлская книга – богато иллюстрированная рукописная книга, созданная кельтскими монахами в 800 г. После того как монастырь был разгромлен норманнами, спасшиеся монахи перевезли ее в Келлское аббатство в Ирландии, откуда книга и получила свое название.

Сильвия удочерила в Китае, когда той был всего год. Теперь, перейдя из второго сразу в четвертый класс, Дейзи удостоилась звания самой маленькой ученицы за всю историю средней школы Реардон.

– Слава богу, – рассмеялась Салли. – Наконец-то можно взяться за дело.

– Что, так сильно опоздала? – спросила Грейс, хотя сама знала, что пришла вовремя.

– Нет-нет, просто без твоего умиротворяющего влияния никак не можем сосредоточиться.

Салли удобнее пересадила вертевшуюся на маминых коленях малышку. Это была ее младшая дочь Джуна. По словам Салли, девочку назвали в честь покойной свекрови, которая вообще-то носила имя Дорис.

– Сварить еще кофе? – предложила Хильда или Хельга, последовавшая за Грейс на кухню. Девушка была босиком, причем ноги были не очень чистые, отметила Грейс. Неряшливый внешний вид дополняло кольцо в носу из потемневшего металла.

– Давай. И забери, пожалуйста, мелкую. Без ее помощи управимся гораздо быстрее, – ответила Салли таким тоном, будто оправдывалась.

Няня молча вытянула руки, Салли подхватила извивающуюся Джуна и передала через стол. Сообразив, что вот-вот перестанет быть центром всеобщего внимания, Джуна издала вопль обиженной примадонны.

– Пока, деточка, – откликнулась Сильвия. – Ах, до чего симпатичная!

– Хорошо, что симпатичная, а то обидно было бы, – произнесла Салли. – Все-таки последний ребенок.

– Точно не хочешь еще малыша? – спросила Аманда. – Мы с Нилом теперь жалеем, что не воспользовались шансом, пока можно было. Сейчас завели бы еще ребеночка.

Грейс была недостаточно близко знакома с Амандой, чтобы спрашивать, что та имела в виду. Может, Нил сделал вазэктомию? Или Аманда сожалеет, что не заморозила яйцеклетки? Пара воспитывала десятилетних близнецов, и, несмотря на регулярные «омолаживающие программы» – они же пластические операции, – было видно, что Аманде около сорока пяти.

– Ну уж нет. Хватит с меня. Если честно, у нас и Джуна-то случайно получилась, но мы подумали – ладно, прорвемся. Почему бы и нет?

Действительно – почему бы и нет, подумала Грейс. Как и остальным присутствующим, ей были прекрасно известны особенности планирования семьи в Нью-Йорке. Двое детей – идеальная ситуация, не нарушающая баланса, однако даже это достаточно дорогое удовольствие. Если детей трое, в бюджет еще можно впихнуть частную школу, летний лагерь, тренировки по хоккею в комплексе «Челси-пирс» и репетиторов, готовящих к поступлению в престижные университеты Лиги плюща, но с трудом. Четыре же ребенка... У редкой семьи на Манхэттене четверо детей. Это означает страшные неудобства. Например, потребуется еще одна няня, не говоря уже о жилье побольше. Ни в коем случае нельзя селить детей в одной комнате. Каждому ребенку необходимо собственное пространство, чтобы выразить индивидуальность.

– Если есть возможность, обязательно надо рожать, – с искренней теплотой в голосе произнесла Салли. – Мама – лучшая работа. Ну, была у меня хорошая карьера, и что? С тех пор как Элла родилась, ни дня по офису не скучала. В прошлом году ходила на встречу выпускников, так бывшие однокурсницы едва обструкцию мне не устроили – я, видите ли, безответственно пренебрегаю отличным образованием! Будто у меня перед Йельским университетом какой-то долг, который я теперь всю жизнь отдавать должна! Но спорить не стала, просто молча смотрела: мол, что б вы понимали! Будут говорить, что материнство – не самое главное в жизни, не слушай! – велела Салли Аманде, хотя последняя ни на что подобное не жаловалась.

– Знаю, знаю, – слабо принялась отбиваться Аманда. – Но с близнецами столько хлопот... Ну ничего вместе не делают! Одна хочет записаться в Бродвейскую театральную студию, вторая

– на гимнастику! Селия даже в летний лагерь с сестрой ехать отказывается! Извольте два раза тащиться туда и обратно в штат Мэн на два родительских Дня!

Хильда-Хельга принесла кофе и поставила на большой стол в деревенском стиле. Грейс достала коробку сдобных печений, которые по дороге купила в «Гринберг». Угощение встретили с очень сдержанным энтузиазмом.

– Ты хоть подумала о моих несчастных бедрах? – спросила Салли, хватая сразу две штуки.

– Твои бедра в жалости не нуждаются, – парировала Аманда. – Видела я твои ноги. Во всем Верхнем Ист-Сайде вторых таких нет.

– Просто я сейчас тренируюсь, – ответила польщенная Салли. – Саймон сказал – если пробегу полумарафон по побережью, в награду повезет в Париж.

– Мама нам в детстве такие покупала, – сказала Сильвия, откусив кусочек печенья. – И еще такие маленькие булочки с корицей. Не помните, как называются? Какое-то немецкое слово...

– Шнекен, – подсказала Грейс.

– Может, приступим? – почти раздраженно спросила Салли. Будучи единственной из присутствующих, кто рос не в Нью-Йорке, предаться общей ностальгии Салли не могла.

Все послушно достали блокноты и, сняв с ручек колпачки, устремили почтительные взгляды на председательницу комитета и руководительницу встречи.

– Итак, осталось два дня, а мы... – не договорив, Салли легкомысленно пожала плечами. – Кто-нибудь дергается? Я – нет.

– Я немного дергаюсь, – призналась Сильвия.

– Зря. Все будет нормально. Смотри. – Салли повернула желтый блокнот так, чтобы всем было видно аккуратно записанные синим маркером пункты списка. – Главное, что люди хотят прийти и готовы потратить деньги. Остальное – детали. И вообще, к нам придет двести человек! Ну, почти двести. Уже успех!

Грейс взглянула на Сильвию. Из троих присутствующих женщин Сильвию она знала лучше всех – вернее, дольше всех. Впрочем, они никогда не были особо близки. Сильвия была из тех, кто предпочитает помалкивать о своих делах.

– Вчера утром была у Спенсеров. Принимали меня домоправительница и личная ассистентка Сьюки.

– А самой Сьюки дома не было? – уточнила Сильвия.

– Нет, но персонал мне все показал.

Грейс кивнула. Организовать мероприятие в поражающих воображение апартаментах Спенсеров – само по себе достижение. Надо полагать, место проведения в значительной степени подстегнуло интерес к вечеру – при том что один билет стоил триста долларов! Сьюки Спенсер, третья жена Джонаса Маршалла-Спенсера и мать малышей, обучающихся в группе для дошкольников школы Реардон, являлась гордой хозяйкой самых больших апартаментов города. На самом деле квартира состояла из трех и занимала два этажа в здании шириной с Пятую авеню. Месяц назад Сьюки позвонила ни с того ни с сего – вернее, позвонила ее ассистент, чтобы сообщить: миссис Спенсер не имеет возможности принять участие в работе комитета, однако готова предоставить для проведения мероприятия свою квартиру. И угощение, и вино будет подавать ее домашняя прислуга. Кстати, у Спенсеров собственный виноградник в Сономе.

– Ты с ней хоть раз общалась? – спросила Грейс у Салли.

– Не сказала бы. Кивали друг другу в школьных коридорах, и все. Конечно, написала ей письмо по электронной почте, пригласила поработать в комитете, но не ожидала, что Сьюки ответит. Не говоря уже о том, чтобы предложить для аукциона свои хоромы.

Правда, пришлось предоставить список приглашенных на проверку охране Спенсеров, однако дело того стоило.

– Ой, жду не дождусь! – прочирикала Аманда. – Салли, ты видела те знаменитые картины Джексона Поллока?

У Спенсеров их было две. Шедевры красовались друг напротив друга в столовой. Грейс видела на фотографии в журнале «Архитектурал дайджест».

– Да, висело там что-то такое, – с искренним отсутствием интереса ответила Салли. – Сильвия, как там твой знакомый, готов? Передай большое спасибо за то, что согласился!

Сильвия кивнула. У нее был знакомый в аукционном доме «Сотби», который согласился провести мероприятие.

– Сказал, он у меня в долгу. Если б не я, нипочем бы не осилил тригонометрию в школе Хорас-Манн. Даже с моей помощью почти завалил...

– А что насчет лотов? – спросила Грейс, для пользы дела старательно пытаюсь визуализировать список Салли.

– Где-то тут валялся черновой вариант каталога. Аманда, куда я его засунула?

Аманда указала на потрепанную брошюрку, едва видневшуюся из-под бумажных завалов на столе.

– Отлично. Вариант пока не окончательный, можно еще что-нибудь добавить, но только до завтрашнего утра. Днем надо отдать в печать. И... Сильвия, не забыла?

– Забрать готовые каталоги в субботу в час дня, – отрапортовала Сильвия.

– Молодец.

Грейс надела очки и принялась изучать список лотов. Цветы из «Л'Оливье» и «Уайлд поппи». Коттеджи, которые хозяйева готовы были предоставить для короткого отдыха: на выбор предлагались шесть домов в Хэмптоне и один на Фэйр-Айленде («В той части острова, где отдыхают с семьями», – сочла своим долгом уточнить Салли). Потом поездки в Вейл и Аспен и еще одна в Кармел (отдых в богемном городке у семейных женщин восторга не вызвал). Еще предлагалась бесплатная консультация одного из лучших дизайнеров, у которого дочь училась в выпускном классе. Кулинарный урок для восьми человек в популярном ресторане Трайбеки⁵ (у главы пресс-службы заведения сын ходил в девятый класс). Возможность целый день сопровождать мэра Нью-Йорка и наблюдать за его работой (близняшки политического аналитика претендовали на два драгоценных места в подготовительной школе). И наконец, подтяжка с использованием стволовых клеток. Звучало пугающе, но в то же время интригующе. Грейс решила спросить Джонатана, что это за процедура.

– И еще... кажется, я вам всем об этом писала, – продолжила Салли. – Или не писала?.. Натан Фридберг готов предложить место в своем лагере.

– Салли, это же замечательно! – восхитилась Аманда.

– Что за лагерь? – спросила Грейс.

– Тот самый, который он открывает в этом году, – пояснила Аманда.

– О проекте писали в «Авеню», – прибавила Салли.

– Стоить будет двадцать пять тысяч долларов за лето, – подхватила Сильвия.

– И что же он предлагает за такие деньги? Круглосуточное катание на водных лыжах? – спросила Грейс.

– Никаких водных лыж. И вязания морских узлов. И посиделок у костра, – ироничным тоном произнесла Сильвия. – Детям простых смертных просьба не беспокоиться.

– Боюсь, не совсем поняла. Что это за лагерь такой? – задумчиво уточнила Грейс.

– По-моему, идея прекрасная, – принялась объяснять Аманда. – Давайте называть вещи своими именами – многие из детей определенного круга станут большими людьми. Вот и надо

⁵ Трайбека – микрорайон, расположенный в Нижнем Манхэттене.

их к этому готовить – основы экономики, филантропия... Натан мне звонил, предлагал записать близнецов. Сказала, что девочки будут в восторге, но не представляю, как им об этом сказать. Они же меня убьют! В лагере в штате Мэн у них уже сложившаяся компания...

Однако у Грейс остались вопросы:

– И куда предлагается отсылать детей? А главное, как и чему именно их будут учить?

– Детей никуда отправлять не надо, все живут дома. По утрам их будет забирать автобус. В лагере будут устраивать встречи со всякими выдающимися личностями – бизнесменами, людьми искусства. Объяснят, что такое бизнес-план, инвестиции. Будут возить на экскурсии в разные фирмы, организации – и в городе, и за его пределами. В Гринвиче, например. А выходные будут свободные, так что дети смогут заниматься чем хотят. Я уже записала Элли. Дафна отказалась наотрез: хочет провести все лето на море. У нее там лошадка. Вот я и подумала – пусть Натан Фридберг выставит место в лагере на аукцион. Двадцать пять тысяч долларов! Неплохой сбор средств, правда?

– Bravo, Салли! – просияла Аманда. – Ты гений!

– Да, – произнесла все еще озадаченная Грейс. Откровенно говоря, идея отдать ребенка в подобный лагерь казалась ей отталкивающей.

Между тем вернулись к обсуждению лотов. Уроки репетитора, готовящего к поступлению в колледж. Уроки репетитора, готовящего к поступлению в школу. Женщина-генеалог, которая приезжает на дом со своим компьютером. Очень удобно, не придется самостоятельно рыскать в Интернете. В результате получишь красиво оформленное, дизайнерское генеалогическое древо. Грейс некоторое время подумывала о том, чтобы попытаться выиграть составление древа – она ведь тоже должна будет принять участие в аукционе. Разве не отличный подарок для Генри? Но Грейс удерживала мысль об ужасном семействе Джонатана. При мысли о том, что эти, мягко говоря, неприятные люди будут на дизайнерском родословном древе ее сына, Грейс ощущала сначала раздражение, потом чувство вины, а потом просто грусть. Достаточно плохо уже то, что фактически у Генри всего один дед. Но знать, что эти люди живут на прежнем месте, всего в нескольких часах езды от Нью-Йорка, однако не проявляют ни малейшего желания познакомиться с внуком!..

Далее по списку шли услуги врачей – дерматологов, пластических хирургов и загадочного специалиста, который, по словам Аманды, делает «коррекцию пальцев ног».

– У него две дочери, одна в третьем классе, другая учится вместе с Пайпер, – растолковывала Аманда Сильвии.

Та озадаченно нахмурилась:

– Что-что он делает с пальцами ног?

– Этот человек настоящая знаменитость, его все знают! Он укорачивает второй палец так, чтобы не был длиннее большого. Нарочно дождалась, когда его жена приедет забирать детей, и попросила, чтобы он выставил на аукцион одну операцию по укорачиванию пальца.

«А как же вторая нога?» – подумала Грейс.

– Я считаю, в подобных делах стесняться не надо. Да и что такого родители могут ответить? Либо «да», либо «нет». И кстати, редко кто отказывается помочь. Впрочем, с чего бы им отказываться? Какие родители не захотят помочь школе, где учатся их дети! Они должны радоваться возможности внести свой вклад! И без разницы, кто у ребенка отец, врач или водопроводчик, правда?

– Да, но... – не удержалась Грейс, – врачи бывают разные. Большинство из них... – она хотела сказать «не зарабатывают на чужом тщеславии», но вовремя удержалась, – специализируются на болезнях, лечение которых не может быть предметом развлекательного аукционного торга.

Аманда откинулась на спинку стула и во все глаза уставилась на Грейс. Взгляд у нее был не сердитый, скорее озадаченный.

– Нет, ты не права, – возразила она. – Есть же еще профилактика. Все мы хотим оставаться здоровыми. И не важно, что лечит доктор – сердце или... не знаю... кишечник. Просто нужно следить за собой, а для этого правильнее будет найти лучшего специалиста. Ты ведь не обращаешься к первому встречному финансовому консультанту! А сколько жен с радостью оплатили бы для мужей консультацию у знаменитого кардиолога!

– Муж Грейс врач, – будничным тоном произнесла Сильвия. Грейс поняла, зачем она это сделала. Теперь обе ждали эффекта, который неизменно производили подобные слова.

– Ах да, я и забыла, – спохватилась Аманда. – Что, ты сказала, он лечит?

– Джонатан – детский онколог.

Аманда растерянно нахмурилась, потом вздохнула. Похоже, к заключению, что никто добровольно не пожелает воспользоваться услугами детского онколога, как бы знаменит он ни был, Аманда пришла самостоятельно.

Салли покачала головой:

– Все время забываю. Он у тебя всегда такой бодрый, веселый... Не понимаю, как Джонатан может делать это каждый день?

Грейс развернулась к ней:

– Что делать?

– С больными детьми общаться, и с их родителями. Я бы не выдержала.

– Я тоже, – подхватила Аманда. – Когда у кого-то из моих девочек голова болит, и то вся изведусь, пока не пройдет!

– Со своими детьми все по-другому, – заметила Грейс. Тут она могла понять Аманду. Грейс и сама ужасно переживала, когда заболел Генри, хотя болел сын редко. Он был удивительно здоровым мальчиком. – Когда перед тобой пациент, главная задача – использовать все свои знания и умения, чтобы его вылечить. Твоя цель – помочь, вернуть человека к полноценной жизни.

– Это конечно, – недовольно проворчала Аманда. – Но пациенты ведь и умереть могут.

– Если врач сделал все, что мог, совесть его чиста, – не сдавалась Грейс. – Медицина не может спасти всех. Случается, что люди заболевают, случается, что умирают. И некоторые из них дети. Ничего не поделаешь. Однако еще двадцать лет назад рак был гораздо более грозным, страшным диагнозом, чем сейчас. А у нас, в Нью-Йорке, хороших специалистов больше, чем где-либо еще в стране.

Но на Аманду доводы Грейс впечатления не произвели. Она лишь упрямо покачала головой:

– Нет, ужасная работа. Терпеть не могу больницы. Фу, этот запах! – Аманда передернулась, будто и правда вдруг учуяла в роскошно-неопрятном доме Салли Моррисон-Голден чистящее средство лизол.

– Жаль, что среди наших родителей так мало артистов и писателей, – принялась сокрушаться Сильвия. Тему подняла она, однако теперь явно жаждала ее сменить. – Какие прекрасные были бы лоты – встреча с оперным певцом, экскурсия в мастерскую художника! Ну почему у нас совсем нет художников?

«Потому что ни одному художнику в голову не придет отправить ребенка в Реардон», – с раздражением подумала Грейс. У частных школ Нью-Йорка была своя топография, согласно которой Реардон располагался на перешейке между Уолл-стрит и крутыми горами корпоративного права. В других школах – Филдстон, Дальтон, Сэйнт-Энн – учились дети людей театра, романистов и других творческих личностей. Среди друзей Грейс были дочь поэта, преподававшая в Колумбийском университете, и совершенно немзыкальный сын супружеской пары, игравшей в Нью-Йоркском филармоническом оркестре. А одноклассники Генри росли в домах персональных финансовых консультантов и менеджеров хедж-фондов. Грейс такой круг общения не слишком радовал, но приходится терпеть.

– По-моему, дела идут отлично, – объявила Салли. – Сорок лотов. Каждый найдет для себя что-то приятное и полезное! Но, если что-то пропустила, говорите, не стесняйтесь. Перед тем как отдадим список в печать, еще можно добавить пару пунктов.

– Я тут подумала... – тихо произнесла Грейс, на которую неожиданно напала несвойственная застенчивость. – Если хотите... Я ведь книгу написала... ее, правда, еще не напечатали, но могу предложить, когда выйдет... в смысле, экземпляр с автографом автора.

Все трое уставились на Грейс.

– Ах да, – протянула Аманда. – Ты же написала книгу! Совсем забыла. Напомни-ка еще раз, про что? А жанр какой – детектив, да? Вот и хорошо, а то каждый год мучаюсь, не знаю, что на пляж взять.

Грейс нахмурилась. По опыту она знала, что это лучший способ сдерживать смех.

– Нет-нет, художественную литературу я не пишу. Я ведь психолог. Это книга о браке. Моя первая, – прибавила Грейс, с неудовольствием отметив горделивую нотку в своем тоне. – Называется «Ты должна была знать».

– О чем? – спросила Аманда.

– Я же сказала – о браке, семейных отношениях, – повторила Грейс уже громче.

– Нет, я расслышала. Я спрашиваю – о чем должна была знать?

– Н-ну... если в общих чертах... На первом свидании узнаешь человека лучше, чем потом.

Грейс сразу почувствовала, как по-идиотски звучит это заявление. Пока длилась долгая, неловкая пауза, Грейс успела десять раз пожалеть о придуманном названии, главной теме книги и обо всем остальном, чем так гордилась. Во всяком случае, в профессиональном смысле.

– Может, предложим в качестве лота консультацию психолога? – оживилась Салли. – «Специалист по семье и браку примет вас и вашего мужа»!

Ошарашенная Грейс смогла только головой покачать:

– По-моему, это неуместно.

– Какая разница? Главное, чтобы народу понравилось!

– Извини, но мой ответ – нет.

Аманда едва заметно нахмурила натянутую кожу на лбу. Вдруг раздался медленный, протяжный звонок в дверь. Грейс, безмерно благодарная неизвестному визитеру, порадовалась, что собравшиеся отвлеклись и перестали дуться.

– Хильда! – позвала Салли. – Открой дверь!

Женщины принялись переглядываться.

– Разве мы еще кого-нибудь ждем? – спросила Аманда.

– Думала, что нет, но похоже, да, – произнесла Салли.

– В смысле? – рассмеялась Сильвия.

– В смысле, кое-кто сказал, что, *может быть*, зайдет, но потом не перезвонил, вот я и подумала...

Из коридора донеслись приглушенные голоса. Слов было не разобрать. Потом раздался звук, напоминающий скрип пружин. Наконец на кухню вошла Хильда.

– Она хочет оставить коляску в коридоре. Не возражаете? – спросила няня у Салли.

– А-а, – протянула чуть опешившая Салли. – Ладно. – Салли покачала головой. – Пусть оставляет.

А повернувшись к двери, просияла во все белые зубы.

– Здравствуйте! – воскликнула хозяйка, вскакивая со стула.

Обойдя Хильду, в кухню вошла женщина среднего роста, с вьющимися темными волосами до плеч и кожей цвета карамели. Глаза были черными как уголь, а темные, удивительно густые брови изгибались так, будто их хозяйка постоянно с кем-то заигрывала. Одета гостья

была в бежевую юбку и белую блузку, верхние пуговицы которой были расстегнуты так, чтобы было видно две примечательные детали – золотой крест и пышное декольте. Женщина, казалось, смутилась, оказавшись в таком большом неубранном доме и увидев растерянные лица других матерей. Взглянув на блокноты и распечатки на столе, вновь прибывшая явно сообразила, что собрание в самом разгаре, а то и вовсе подходит к концу. Робко кивнув, гостя в нерешительности застыла в дверях.

– Присаживайтесь. – Салли любезно указала на стул рядом с Грейс. – Знакомьтесь, это миссис Альвес, мама Мигеля Альвеса. Он учится в четвертом классе. Извините, придется вам мне помочь – так и не научилась произносить ваше имя.

– Малага, – представилась женщина. Голос у нее оказался певучий, мелодичный. – Малага, – повторила она по слогам, сделав ударение на первом.

– Малага, – повторила Грейс и протянула миссис Альвес руку. – Приятно познакомиться. Я Грейс.

Сильвия и Аманда последовали ее примеру.

– Здравствуйте, здравствуйте, – повторяла Малага. – Простите за опоздать. Малышка, девочка плакать.

– Ничего страшного, – ответила Салли. – Мы, конечно, уже многое обсудили... Пожалуйста, – повторила она, – садитесь.

Малага Альвес опустила на свободный стул и расположилась к массивному деревянному столу боком, закинув ногу на ногу. Грейс невольно засмотрелась на ее бедра и лодыжки. Довольно пышные, но стройные. Когда Малага чуть подалась вперед, просвечивавшая сквозь блузку грудь почти легла на стол. Другая женщина смотрелась бы вульгарно, однако Малага была даже не лишена привлекательности. Значит, она недавно родила ребенка, подумала Грейс. Впрочем, чему удивляться? Сразу видно – эта особа в самом расцвете женских сил. Малага положила руки на стол и сцепила пальцы в замок. На четвертом пальце левой руки красовался тонкий золотой ободок.

– Мы обсуждали лоты, – произнесла Салли. Грейс заметила, что хозяйка начала говорить подчеркнуто медленно. – То есть вещи, которые будем продавать на аукционе, чтобы собрать деньги для школы. Все средства пойдут на стипендии. На них талантливые дети смогут обучаться у нас бесплатно, – пояснила Салли, демонстративно не заглядывая в записи, чтобы показать, что все помнит наизусть. – Обычно мы спрашиваем у родителей, что они могут предложить для аукциона. В основном предлагают что-то, связанное с работой. Художники – картины, косметологи – процедуры... Сможете внести свой вклад – говорите, не смущайтесь.

Малага кивнула с торжественно-мрачным видом, будто Салли только что сообщила печальную новость.

– Ладно, продолжим, – произнесла Салли.

Это они и сделали. Прибытие «новенькой» оказало на собрание такой же эффект, как выстрел стартового пистолета на бегунов – дело вдруг пошло гораздо быстрее. За какие-то несколько минут обсудили, что кому предстоит сделать в ближайшие несколько дней, кто будет встречать гостей за столом в холле на первом этаже (избытка желающих не наблюдалось), а кто наверху, в величественном мраморном фойе, принадлежащем Спенсерам. Сильвии было поручено позаботиться об оборудовании, чтобы в конце вечера обналичить деньги всем желающим. Перед аукционом состоится небольшой фуршет – он же «коктейль с директором». Строго говоря, за это мероприятие отвечали не они, однако надо было все скоординировать. Афтерпати планировалось организовать в «Бум Бум Рум» в «Стандарте». Этот вопрос взяла на себя Аманда – насколько она вообще могла взять на себя ответственность за что-либо. Это означало, что среди присутствующих большую часть будут составлять ее подружки. Обсуждение проходило в рекордные сроки.

Малага не сказала ни слова. Просто сидела с тем же выражением на лице, с каким пришла, только поворачивала голову, когда слово переходило к кому-то другому. Наконец затронули сложный вопрос – нужно было решить, как избранные участники афтерпати будут незаметно покидать аукцион, чтобы остальные не чувствовали себя обделенными. Администрации «Стандарта» уже сообщили точное число приглашенных, и о том, чтобы под влиянием импульса прихватить кого-то с собой, даже речи не шло. И тут дискуссию прервал резкий, захлебывающийся детский плач. До сих пор молчавшая женщина вскочила, выбежала из комнаты и вскоре вернулась с крошечным смуглым младенцем, завернутым в зеленое полосатое одеяльце. Появление ребенка было встречено восторгами и сюсюканьем. Малага кивнула, как бы благодаря за комплименты, потом снова села, расстегнула блузку и спустила с плеча, затем резко стянула черный бюстгальтер до самого пояса. Все это было сделано с такой быстротой, что Грейс даже смутиться не успела. Однако, украдкой окинув взглядом стол, Грейс заметила, что Аманда совершенно шокирована. Правда, вида не подала – лишь вскинула брови и едва заметно покачала головой. Но уже через секунду сидела как ни в чем не бывало.

Проблема, разумеется, была не в самом кормлении грудью. Грейс предполагала, что подобный опыт имелся у всех сидящих за столом, кроме Сильвии. Грудное вскармливание выбирали по разным мотивам, включавшим убеждения, материнскую гордость, удобство и заботу о здоровье ребенка. Нет, всех смущало, как откровенно и непринужденно Малага выставляла напоказ свою наготу. Одна грудь, к которой присосался младенец, свободно свешивалась вниз, из-под нее выглядывал достаточно полный живот, а широкий голый локоть с нежностью поддерживал головку малышки. На Малаге не было специального белья, которое в свое время носила Грейс – с незаметным разрезом на соске и хитроумной драпировкой, призванной защититься от посторонних взглядов – к примеру, от любопытства похотливых подростков, по малолетству не видящих разницы между сексуальным и материнским. Малага обвела взглядом стол, ожидая возобновления разговора. Остальные, не сговариваясь, принялись болтать как ни в чем не бывало, стараясь лишний раз не смотреть в ее сторону. Ребенок громко сосал молоко и время от времени издавал звуки, напоминающие фырканье. Через несколько минут, когда Грейс уже почти приспособилась игнорировать кормящую мать, девочка выпустила сосок, который с влажным шлепком хлопнулся ей на щеку. Но вместо того, чтобы прикрыться, Малага тем же способом оголила вторую грудь и приложила ребенка к ней.

К этому моменту напряжение в комнате стало физически ощутимым. Женщины высказывались торопливо и коротко, стремясь как можно скорее разобраться с повесткой дня. На Малагу никто не смотрел. Кроме, как заметила Грейс, Хильды. Няня стояла в дверях, устремив недовольный взгляд на полуобнаженную женщину. Малага же ничего не замечала. Блузка была наброшена сзади на плечи и свисала со спины, точно короткий плащ. Черный лифчик выглядывал из-под обвисшей груди. Будь Малага настроена хоть в малейшей степени агрессивно, поведение ее можно было бы оценить как осознанную провокацию. Однако Грейс решила, что это не тот случай. Какие бы негативные чувства ни вызывала у жительницы Нью-Йорка Малаги Альвес жительница Нью-Йорка Салли Моррисон-Голден, ни малейшей враждебности та не демонстрировала. Наоборот – поведение Малаги говорило о том, что женщина чувствует себя невидимкой, поэтому даже не подозревает, какой скандал вызывает. Осторожно покосившись на Малагу, Грейс вспомнила женщину, которую как-то раз видела в раздевалке фитнес-клуба на Третьей авеню. Грейс переодевалась после аэробики и тут возле входа в душ заметила напротив зеркала совершенно обнаженную женщину. Обычно посетительницы обматывали полотенце вокруг талии или под мышками. Сколько ей лет, Грейс точно определить не смогла: от тридцати до сорока – сколько угодно. В этот период внешний вид зависит не столько от числа прожитых лет, сколько от того, до какой степени женщина следит за собой. С фигурой тоже начинаются проблемы: женщина вроде бы не толстеет, но и худенькой уже не назовешь. Грейс стянула пропитавшееся потом трико, постояла под душем, вышла, вытерла голову,

открыла шкафчик, где лежали вещи. Все это время незнакомка продолжала стоять перед большим зеркалом на том же месте, в той же позе, и расчесывала волосы. Казалось бы, женщина не делала ничего особенно шокирующего, однако все присутствующие, пятнадцать или двадцать человек, старательно ее игнорировали – обходили, отводили взгляд. С одной стороны, нагота в раздевалке – обычное дело. Причесываться и смотреться в зеркало – тоже вполне заурядные действия. Однако всех смущало то, как женщина это делала. Стояла на одном месте слишком долго, слишком близко к зеркалу, разглядывала себя слишком внимательно, ноги расставила слишком широко. Левая рука висела неподвижно, а правой женщина вдумчиво, ритмично проводила по влажным темно-русый волосам. У незнакомки было точно такое же выражение лица, как сейчас у Малаги Альвес. Взглянув еще раз и проверив свою догадку, Грейс повернулась к Салли, стараясь принять как можно более растерянный вид.

Между тем обсуждение повестки дня проходило с бешеной скоростью. Женщины поспешно расставляли все точки над «и», решительно устраняя все препятствия к тому, чтобы как можно скорее завершить встречу и с облегчением разбежаться, куда глаза глядят.

Салли, припомнив те дни, когда делала «хорошую карьеру», руководила собранием с безжалостной суровостью офисной акулы, которой глубоко наплевать, что у подчиненных есть планы и своя жизнь помимо работы. Все задания были распределены, а следующее собрание, последнее перед аукционом, Салли назначила на субботу после полудня, у Спенсеров. Паузу сделала только для того, чтобы спросить:

– Малага, вам удобно в субботу?

– Да, хорошо.

Все это время девочка продолжала сосать грудь. Грейс удивлялась, как такое крошечное существо до сих пор не насытилось. Вдруг ребенок отпустил тяжелую материнскую грудь и окинул внимательным взглядом кухню.

– У меня все, – решительно объявила Салли. – Кто-нибудь хочет что-то добавить? Сильвия?

– Нет, – ответила та, с решительным хлопком закрывая кожаную папку.

Аманда уже вскочила на ноги и принялась лихорадочно собирать бумаги. Сразу видно – не хотела терять ни минуты. Малага, приведя ребенка в более или менее вертикальное положение, не выказывала ни малейшего желания прикрыться.

– Приятно было познакомиться, – лицемерно заявила Аманда. – Кажется, ваш сын учится с одной из моих дочерей. Вы ведь в четвертом? В классе мисс Левин?

Малага кивнула.

– В этом году ни с кем из новых родителей познакомиться не успела, – продолжила Аманда, убирая бумаги в светло-коричневую сумку «Биркин». – Надо как-нибудь собраться всем вместе, поболтать...

– Как Мигель? – спросила Салли. – Очень милый мальчик.

Малага чуть-чуть оживилась и, похлопывая девочку по спинке, едва заметно улыбнулась:

– Да. Мигель молодец. Учительница сказал. Она с ним работать.

– Пайпер рассказывала, как они вместе играли на крыше, – прибавила Аманда.

Во время перемен учеников младших классов выпускали на крышу, на которой постелили безопасное резиновое покрытие. Там же находился яркий детский инвентарь, а возле краев в целях предосторожности была натянута сетка.

– Хорошо, – кивнула Малага.

Девочка громко, совершенно не по-девичьи рыгнула. Больше всего Грейс захотелось уйти.

– Всем пока! – жизнерадостно объявила она. – Салли, захочешь еще что-нибудь обсудить – звони. Но, по-моему, все идет по плану. Удивительно, как ты организовала мероприятие подобного уровня за такое короткое время.

– Сьюки Спенсер помогла, – рассмеялась Салли. – Найди мультимиллионершу с собственным виноградником и бальным залом в квартире – и дело в шляпе!

– Увы, такими знакомствами не обладаю, – старательно изображала доброжелательную непринужденность Грейс. – До свидания, Малага, – прибавила она, заметив, что миссис Альвес наконец убрала груди в чашечки черного лифчика. Грейс повесила на плечо кожаный портфель с длинной ручкой.

– На работу идешь? – спросила Сильвия.

– Нет. Надо отвести Генри на занятия музыкой. Он ведь на скрипке играет.

– Ах да, конечно. Такой талантливый мальчик! Программу Сузуки⁶ проходит?

– Вообще-то нет. На восьмой или девятой книге мы переключились на более... специальные занятия.

– Неужели до сих пор сама его водишь? – с легким неодобрением произнесла Салли. – Боже мой, если бы всех своих отвозила и забирала, ни на что другое времени бы не осталось! Двое занимаются гимнастикой, потом еще фортепьяно, балет и фехтование. Не говоря уже про Джуну. Она пока ходит только на музыку для малышей и занятия по системе «учимся, играя», но сами подумайте! В четвертый раз программу «учимся, играя» мне не выдержать! Поэтому Джуну отводит Хильда. Мамаши там совершенно полоумные. «Ой, мой ребенок – гений, он сам съехал с горки!» Так и хочется ответить: «Ты, конечно, извини, но у меня четверо детей, и все они съехали с горки с первого раза, потому что это не гениальность, а обыкновенная гравитация!» Да и на музыке еле-еле в руках себя держу. Пришлось это дело тоже на Хильду спихнуть. Такое чувство, будто уже десять лет подряд трясусь у детей перед носом одними и теми же маракасами.

– Я бы тоже одна не справлялась, будь у меня несколько детей, – заверила Грейс. – С единственным ребенком проще.

– Может, мне тоже записать Селию на уроки игры на скрипке? – произнесла Аманда.

Сестры-близнецы Селия и Пайпер обе были в четвертом, но учились в разных классах. Как выяснилось, одноклассницей Мигеля была Пайпер.

– Куда ездите заниматься? – полюбопытствовала Аманда.

Грейс едва удержалась от соблазна ответить, что не важно, где Генри учится музыке – его учитель в любом случае не станет давать уроки десятилетней девочке, ни разу не державшей в руках скрипку, и ему будет глубоко безразлично, кто ее родители и сколько у них денег. Наставник Генри, язвительный и депрессивный старик лет семидесяти, родом из Венгрии, согласился обучать мальчика только после чрезвычайно сложного прослушивания и тщательной оценки его музыкальных способностей. Хотя всем заинтересованным сторонам было ясно, что Генри будет поступать в университет, а не в консерваторию – это положение дел устраивало и Грейс, и Джонатана, и больше всего самого Генри, – мальчик обладал достаточным талантом, чтобы войти в крайне ограниченное число учеников мастера. Грейс могла бы ответить на вопрос Аманды, с гордостью заявив, что Виталий Розенбаум преподает в Джульярдской школе (до недавнего времени это было правдой). Или даже в Колумбийском университете. Это тоже отчасти было правдой – во всяком случае, некоторые ученики Розенбаума, не ставшие поступать в консерваторию, учились в этом заведении и в свободное время по-прежнему приходили брать уроки в квартиру на Морнингсайд-Хайтс. Однако Грейс рассудила, что третий вариант лучше всего поможет закруглить разговор.

– Учитель живет на Западной Сто четырнадцатой улице, – ответила она, и это тоже была чистая правда.

⁶ Методика доктора Сузуки – программа раннего музыкального развития ребенка. Рассчитана не на то, чтобы отыскивать среди учеников одаренных детей, а на то, чтобы раскрыть способности каждого ребенка посредством игры на музыкальном инструменте.

– А-а, – разочарованно протянула Аманда. – Далеко.

– Обожаю Генри, – объявила Салли. – Такой вежливый, при встрече всегда здоровается...

А до чего хорошенький! Мне бы его ресницы. Видела, какие у Генри ресницы? – обратилась она к Сильвии.

– Э-э... не обращала внимания, – улыбнулась та.

– Ну зачем мальчикам красивые ресницы? Так нечестно! Тратишь бешеные деньги на наращивание, а Генри Саксу только моргнуть достаточно!

– Д-да... – нерешительно протянула Грейс. Кажется, Салли хотела похвалить Генри или, что более вероятно, сделать приятное Грейс, однако комплимент прозвучал неуместно и немного вульгарно. – Пожалуй, ты права, – наконец выговорила она. – Я как-то не задумывалась... Но, когда Генри только родился, помню, что заметила – ресницы у него длинные...

– У нее длинные ресницы, – вдруг проговорила Малага Альвес и кивнула на дочку, лежавшую у нее на коленях. Малышка спала, и было хорошо видно, что ресницы у нее действительно довольно длинные.

– Красивая девочка, – сказала Грейс, радуясь возможности сменить тему. Благо все родители считают своих младенцев самыми хорошенькими. – Как ее зовут?

– Елена, – ответила Малага. – В честь моя мать.

– Чудесное имя, – проговорила Грейс. – А теперь извините, мне пора. Мой мальчик с длинными ресницами расстраивается, когда из-за меня опаздывает на занятия. Всем пока. – Грейс повернулась к двери. – Увидимся в школе или... в субботу! Уверена, аукцион пройдет превосходно!

Набросив сумку на плечо, Грейс направилась к двери.

– Подожди секунду, я с тобой, – окликнула Сильвия.

Утешало то, что Грейс хотя бы находила Сильвию самой приятной женщиной из всех собравшихся. Однако в коридоре ее ждала безо всякого энтузиазма. Захлопнув за собой дверь, обе остановились на крыльце и переглянулись.

– Ничего себе, – покачала головой Сильвия.

Грейс, может, и согласилась бы, но не знала, к чему именно относится комментарий, поэтому ничего не ответила. Просто спросила:

– В школу пойдешь?

– Да, на очередную встречу с Робертом. Наверное, уже сотую по счету. Удивляюсь, как про нас до сих пор сплетни не распустили.

Грейс улыбнулась. Роберт был директором школы Реардон. Когда он вступил в брак с многолетним партнером, арт-директором небольшого театра, это была одна из первых гей-свадеб, освещенных в колонке «Таймс» «Обменяйтесь кольцами».

– По какому поводу встречаетесь? Обсуждаете, что делать с Дейзи? – спросила Грейс.

– Да, повод всегда один и тот же. Переводить ее в следующий класс, и если да, то в какой? Что для ребенка полезнее – тригонометрия с десятиклассниками или основы гигиены с пятиклассниками? Пропустить введение в биологию и сразу перейти к углубленной химии или и дальше изучать социологию вместе с седьмым классом? Ужасно утомительно! Все понимаю – жаловаться не имею права. Знаю, что должна поддерживать дочь и гордиться ее успехами, но так не хочется, чтобы она торопилась. Не годится, чтобы ребенок мчался через детство галопом. Эта пора раз в жизни бывает, пусть наслаждается, пока можно, – рассуждала Сильвия.

Вместе они зашагали на запад к Лексингтону, потом направились в сторону центра. Сильвия не заметила, как брошенные мимоходом слова больно кольнули Грейс. Генри, как и Дейзи, был единственным ребенком, и Грейс тоже чувствовала, что скоро его детство закончится. Она по-прежнему видела в нем Генри-ребенка, а иногда даже Генри-малыша, но скоро, слишком скоро он превратится в подростка, и Грейс это понимала. То, что других детей у нее не было,

делало предстоящее отдаление еще более трудным и болезненным. Когда Генри выйдет из-под ее опеки, Грейс снова почувствует себя бездетной.

Конечно, они с Джонатаном с самого начала не планировали ограничиться одним ребенком. Теперь Грейс понимала, что понапрасну растратила драгоценное время, когда Генри был маленьким, – беспокоилась, «потянут» ли они второго. Потом Грейс пыталась лечиться от бесплодия, но Джонатан, как онколог, после полудюжины не принесших результата циклов кломида заявил, что в интересах собственного здоровья жена должна отступить. Со временем Грейс привыкла к «Генри-центрическому» устройству семьи. Но, как и с любой семейной конфигурацией в Нью-Йорке, здесь были свои подводные камни. Если семьи с двумя детьми считались идеально сбалансированными, а родители трех и более заслуживали уважения как сделавшие воспитание детей своим призванием, то папы и мамы единственного ребенка должны были испытывать гордость особого рода. Считалось, что надо давать окружающим понять – их идеальное чадо требует усиленного внимания, усилий и забот. Это настолько выдающееся дитя, что необходимость в пополнении семейства попросту отпадает. Неординарный ребенок один способен дать миру намного больше, чем несколько обыкновенных, заурядных детей. У родителей единственных сыновей и дочерей была раздражающая привычка представлять отпрысков с таким видом, будто знакомство с ними – огромная честь. Грейс давно уже была знакома с этим феноменом. Вместе с лучшей подругой детства Витой они как-то раз даже сочинили о нем песенку. Приливу вдохновения немало способствовал коктейль «Банка скорпионов», которым они угощались в одном из ресторанов Кембриджа, штат Массачусетс. Мелодию позаимствовали из известного мюзикла «Bye, Bye Birdy»:

Один прекрасный ребенок,
Ему все вниманье с пеленок,
Зачем вам второй или третий?

Никто вас не отвлекает,
Никто вам не помешает,
К чему вам другие дети?..

Грейс, конечно, и сама была единственной дочерью в семье. Впрочем, родители и не думали ее превозносить или баловать излишней заботой. Наоборот, Грейс частенько чувствовала себя одиноко... вернее, она всегда была сама по себе. Дома, летом у озера, один на один с папой и с мамой. Битвы за власть и сложные отношения братьев и сестер всегда интриговали Грейс. Иногда в огромной квартире Виты на Западной Девяносто шестой улице она просто замирала в коридоре, слушая шум и непрекращающиеся споры троих братьев подруги. Такой должна быть настоящая семья, думала Грейс. Своя собственная начинала казаться неправильной. Грейс хотела, чтобы у Генри были братья и сестры, друзья на всю жизнь, но, увы, ничего не получилось.

А теперь Грейс осталась без Виты. Не в том смысле, что подруга умерла, – нет, конечно! И все же дружбе пришел конец. Вита всегда была рядом – доверенное лицо, верная соратница, соседка по разваливающемуся дому на Централ-сквер (в буквальном смысле разваливающегося – он даже покосился). Там подруги снимали квартиру, будучи старшекурсницами. Грейс училась в Гарварде, Вита – в Тафтсе. На свадьбе Грейс Вита была главной подружкой невесты, но после свадьбы отдалась, пропала с горизонта, оставив ее в окружении фальшивых друзей. Да и тех было немного. Даже столько лет спустя Грейс слишком грустила, чтобы злиться, и слишком злилась, чтобы грустить.

– Ты знала, что она придет? – через некоторое время спросила Сильвия.

– Кто? – уточнила Грейс. – Женщина, которая опоздала?

– Да. Салли тебе говорила?

Грейс покачала головой:

– Вообще-то мы с ней не слишком близко знакомы. Только по школе.

Впрочем, то же самое можно было сказать и о Сильвии – с той лишь разницей, что когда-то они вместе учились в Реардоне, только в разных классах. Грейс была на два года младше. Пожалуй, Сильвия была ей даже симпатична – и тогда, и сейчас. Грейс невольно восхищалась этой женщиной. Трудно растить ребенка одной, при этом работая полный день. Сильвия была адвокатом, специализирующемся на трудовом праве. С разницей в несколько лет умерли ее родители. Перед этим оба тяжело болели, и Сильвии пришлось вдобавок ко всему остальному взять на себя заботу о них. А больше всего Грейс уважала Сильвию за то, что она не выскочила замуж за первого встречного, к которому не испытывает ни малейшей симпатии, лишь бы родить ребенка, о котором страстно мечтала. Когда Грейс объясняла клиенткам, что отказ от брака с неподходящим мужчиной не означает отказа от детей, всегда думала о Сильвии. Сильвии и ее гениальной дочери из Китая.

Однажды утром, когда родители привозили детей в школу, чья-то мама похвалила выдающиеся способности Дейзи Штайнметц, но Сильвия лишь пожала плечами.

– Знаю, – ответила она. – Только я здесь ни при чем. Сами понимаете, моих генов у нее нет. В первый раз Дейзи услышала английскую речь, когда ей был год, а через месяц-два после того, как привезла ее в Нью-Йорк, уже чирикала бойко, как птичка. И читать научилась в неполных три года. Конечно, я рада, что она такая умница. Думаю, способности очень ей помогут. Я, конечно, добросовестная мать, но моей заслуги тут нет.

Непривычно было слышать рассуждения такого рода в мраморном холле школы Реардон.

– Какая-то она странная, – произнесла Сильвия.

– Кто, Салли?

– Нет, – коротко рассмеялась Сильвия. – Малага. Представляешь, сидит целыми днями на скамейке в парке напротив школы. Отведет сына и сидит. С места не сходит.

– А как же девочка? – нахмурилась Грейс.

– С собой берет. Раньше беременная приходила. Причем ничего не делает. Хоть бы книгу читала, что ли. Неужели совсем заняться нечем?

– Наверное, – произнесла Грейс.

Для нее, как и для Сильвии, и для других манхэттенских знакомых такое количество свободного времени, когда можно просто празднично расслаиваться на скамейке, было чем-то из области фантастики. Пожалуй, в этом постоянном цейтноте и состоял главный минус жизни в Нью-Йорке – во всяком случае, для Грейс и единомышленниц.

– Может, за своего мальчика волнуется? Как его зовут? Мигель? – уточнила Грейс.

– Да. Мигель.

– Вот и дежурит у школы на всякий случай. Вдруг что-то понадобится? А она тут как тут.

– Хм...

Целый квартал они прошли в полном молчании.

– Просто со стороны смотрится странновато, – наконец проговорила Сильвия. – Сидеть, уставившись на школу...

Грейс ничего не ответила. Не то чтобы она была не согласна. Просто не хотела быть человеком, который в ответ на такие рассуждения кивает и соглашается.

– Может, там, откуда она родом, так принято? – наконец выдвинула предположение Грейс.

– Не говори глупостей, – отмахнулась Сильвия, чья приемная дочь-китаянка всю готовилась к бат-мицве⁷.

⁷ Бат-мицва – в иудаизме: достижение девочкой религиозного совершеннолетия (у мальчиков – бар-мицва).

– А кто у нее муж? – спросила Грейс. Чем ближе они подходили к школе, тем больше встречали мам и нянь.

– Ни разу не видела, – пожала плечами Сильвия. – Слушай, хочу, чтоб ты знала: когда Салли предложила выставить на аукцион терапевтические сеансы для пар, я была шокирована не меньше тебя.

Грейс засмеялась:

– Спасибо. Приму к сведению.

– Знаешь, есть такая поговорка? «Чтобы воспитать одного ребенка, нужна целая деревня»? Вот только наша почему-то состоит исключительно из деревенских дурачков. Вернее, дурочек. Пальцы на ногах укорачивать! Придет же такое в голову!

– Согласна. Впрочем, несколько лет назад обращалась ко мне одна женщина. Так вот, муж развелся с ней, потому что, по его словам, у нее были некрасивые ступни.

– О боже. – Сильвия остановилась возле школы. Грейс сделала еще шаг, потом тоже замерла. – Вот козел! Он что, фетишист?

Грейс пожала плечами:

– Кто его знает? Впрочем, какая разница? Суть не в этом. Главное, что этот мужчина с самого начала обозначил, что для него важно. Он ее из-за недостаточно красивых ступней годами попрекал. С первого дня. А когда расстались, они для него оказались чуть ли не главной причиной. Ты, конечно, права, козел редкий, но, с другой стороны, он ведь не делал из этого тайны. Но моя клиентка все равно вышла за него замуж, хотя было очевидно – как минимум, он ее совершенно не уважает. Спрашивается, на что она надеялась? Что муж изменится?

Сильвия вздохнула. Полезла в карман и достала вибрирующий телефон.

– Говорят, люди меняются.

– Неправильно говорят, – парировала Грейс.

Глава 3

Не мой город

Реардон не всегда был территорией менеджеров хедж-фондов и других влиятельных людей. Школа была основана в девятнадцатом веке и для своего времени отличалась прогрессивностью – здесь *совместно* обучали сыновей и дочерей рабочих. Одно время школа пользовалась популярностью у еврейских коммунистов и атеистов, желающих воспитать детей в пролетарском духе. Потом ее наводнили отпрыски представителей творческих профессий – журналистов, деятелей искусств, скандальных актеров и смущающихся на каждом шагу народных певцов. Ученики поколения Грейс испытывали своего рода извращенную гордость оттого, что учебное заведение презрительно называют «богемным» (да еще где – в справочнике «Выбираем частную школу»)! Однако шли десятилетия, и Реардон, как почти все манхэттенские и некоторые бруклинские школы, сменил направление развития – не столько политическое, сколько финансовое. Сегодня среднестатистический отец ученика Реардона зарабатывает на жизнь, тем или иным способом делая деньги из денег. Это мужчина средних лет, заикливший на работе и рассеянный в обычной жизни, до неприличия богат и почти всегда отсутствует. А среднестатистическая мать – бывший адвокат или финансовый аналитик, теперь главное ее занятие обустраивать квартиры и дома, которых, как правило, несколько, и записывать детей – которых тоже обычно несколько – на всевозможные занятия «для гармоничного развития». Худа до изможденности, выкрашена в яркую блондинку, когда ни встретишь, постоянно опаздывает в фитнес-клуб, все имущество таскает с собой в белой стеганой сумке «Варения Биркин». По национальному составу преобладают белые (времена, когда преобладали евреи, ушли в прошлое). Впрочем, в последнее время образовалась небольшая квота для учеников из Азии и Индии, и еще меньшая – для чернокожих и латиноамериканцев. Об этом обстоятельстве с гордостью писали во всех ознакомительных брошюрах и буклетах. Но на самом деле обучались они здесь на птичьих правах, особенное же предпочтение оказывалось детям выпускников Реардона. Эти мужчины и женщины не отличались ни богатством, ни влиятельностью, и в основном занимались искусством, наукой или, подобно Грейс, специальностями, связанными с каким-либо видом терапии. Они учились в школе до того, как ее облюбовали денежные мешки. Тогда пафоса здесь было намного меньше.

Будучи в школьном возрасте в конце семидесятых – начале восьмидесятых, Грейс успела застать окончание «века невинности». В бывшие «независимые школы» потоком хлынули «хозяева жизни», и от старых традиций ничего не осталось. В эти идиллические деньки Грейс и ее одноклассники знали, что не бедны, но и не богаты. Впрочем, даже тогда у них было несколько детей из более чем обеспеченных семей. В школу их отвозили на лимузинах шоферы в форменных фуражках, из-за чего эти ребята становились предметом вполне оправданных насмешек. Жили в квартирах классической планировки с гостиной, столовой и двумя спальнями в Верхнем Ист-Сайде и Верхнем Вест-Сайде – тогда такую роскошь еще могли позволить себе семьи, где работает только отец, причем трудится бухгалтером или врачом. Некоторые выбивались из коллектива и обитали в Виллидж или Сохо. На выходные или на летние каникулы ездили отдыхать в простенькие коттеджи в Вестчестере, Патнеме или, как в случае Грейс, в скромные домики у озера на северо-западе штата Коннектикут. Последний неизвестно на какие деньги в самый разгар Великой депрессии купила бабушка Грейс. Для потомков цена звучала смешно – четыре тысячи долларов.

Теперь же, стоило Грейс сообщить кому-то из других родителей, что она психолог, а муж ее – врач, лица у всех сразу становились скучающими. Эти люди даже не представляли, как можно «ютиться» с семьей в трехкомнатной квартире или зачем тащиться до самого Коннектикута, если там у тебя нет роскошной усадьбы с конюшней. Родители этого типа обитали в

мире, состоявшем из хозяев жизни и тех, кто на них работает. Семьи этих людей жили на Пятой или Парк-авеню, апартаменты их состояли из нескольких объединенных квартир, занимавших по два-три этажа. При этом учтены были все потребности: присутствовали и комнаты, в которых будет проживать обслуживающий персонал, без которого в таких огромных хоробах не обойтись, и помещения для пышных приемов. На выходные эта новая разновидность реардонских родителей отправлялась в свои современные резиденции со всеми удобствами, где в конюшнях ждали лошади, а у причалов – яхты. Причем добирались туда не в битком набитых вещами многоместных «вольво», а на взятых напрокат вертолетах.

Грейс пыталась не обращать внимания на всю эту вычурность. Напоминала себе, что времена изменились и Генри не может и не должен повторять ее собственный школьный опыт. И вообще, почему ее смущает воцарившееся в Реардоне социальное неравенство богатых и до отвращения богатых, когда Генри – дружелюбный, независтливый мальчик и со всеми общается одинаково? Пусть его одноклассники растут в квартирах, которые не обойдешь за день и где хозяйством занимается проживающая в комнате для слуг супружеская пара (он дворецкий, она повар), а воспитанием детей – сборная команда нянь, репетиторов и личных тренеров. Пусть первые айфоны у этих ребят появляются в детском саду, а первые кредитки – в третьем классе. Главное, что на Генри это не влияет. Оставалось сделать так, чтобы на Грейс подобные штучки тоже влияние не оказывали.

Но увы – однажды в субботу пришлось столкнуться с проявлением настолько откровенного снобизма, что ее будто холодной водой окатили. Грейс отвозила Генри на день рождения в пентхаусе на Пятой авеню, из окон которого открывался роскошный вид на все четыре стороны света. В проеме мраморной арки было видно, как носятся по гигантской гостиной маленькие гости, которых развлекает фокусник в цилиндре. Не успела Грейс вручить празднично упакованный набор юного ученого кому-то из нанятых помощников (секретарю? организатору мероприятий?), и тут в холл весело впорхнула хозяйка.

Про мать именинника Грейс знала очень мало – только то, что зовут эту женщину Линси и родом она откуда-то из южных штатов. Высокая, стройная, грудь находится непропорционально высоко и имеет неестественно круглую форму. А еще у данной особы была упорная привычка обращаться ко всем в школе, и к взрослым, и к детям, используя слово «народ». Впрочем, Грейс вынуждена была признать, что это удобный способ выкрутиться из положения, если не помнишь чьего-то имени. Генри и сын Линси учились в одном классе уже три года, однако Грейс была почти уверена, что эта женщина так и не дала себе труда запомнить ее имя. Дети мужа Линси от первого брака тоже учились в Реардоне, только в старших классах. Занимал он какую-то должность в банке. Справедливости ради следует заметить, что Линси всегда была вежлива, однако в ее случае хорошие манеры производили впечатление фасада, за которым ничего не стоит.

Еще один факт, в значительной степени определяющий характер Линси, состоял в том, что у нее была невероятных размеров коллекция сумок «Гермес Биркин» всех существующих цветов. Одни были из страусиной кожи, другие из крокодиловой, третьи из телячьей. Грейс всегда обращала внимание на сумки «Биркин» – у нее самой была такая. Простая, классическая коричневая «Того». Джонатан подарил на тридцатый день рождения. В магазине «Гермес» на Мэдисон-авеню бедняге на пути к цели пришлось преодолеть тяжелейшие препятствия. Умилительный в своей наивности, Джонатан простодушно считал, что можно просто зайти и купить сумку «Биркин». Грейс обращалась с этим драгоценным подарком крайне бережно и хранила на высланной тканью полке в шкафу вместе с почтенными пожилыми родственницами – двумя «Гермес Келли», которые Грейс унаследовала от матери. Это была большая тайна, но было ужасно любопытно посмотреть на коллекцию Линси в естественной среде обитания. Интересно, где она их хранит? Должно быть, отвела специальный шкаф – если не комнату. Оставалось надеяться, что хозяйка предложит гостю экскурсию по квартире.

– Привет! – поздоровалась Линси с Грейс и Генри.

Сын поспешил присоединиться к другим детям в гостиной. Грейс же замерла напротив хозяйки, ожидая, когда ее проведут в святая святых. Через другую арку виднелась огромная столовая. Дверь, ведущая в кухню, была открыта, и за кухонным островом сидели несколько других матерей. Все пили кофе. Грейс подумала, что ей доза кофеина тоже не помешала бы. В это субботнее утро Грейс никуда не спешила – встреча с парой, у которой разразился кризис в отношениях, была назначена ближе к вечеру.

– Рада, что вы пришли! – с обычной приветливой улыбкой воскликнула хозяйка, на этот раз обойдясь без «народа». Потом сообщила, что закончится праздник в четыре. И наконец прибавила, что один из консьержей с радостью вызовет для Грейс такси.

Привратник вызовет такси.

Ошеломленная Грейс направилась к двери, потом шагнула в лифт и начала долгий спуск на первый этаж. В доме, где выросла и до сих пор проживала Грейс, консьержи были по большей части ирландцы, болгары или албанцы. Приветливые ребята, сами живущие в Квинсе и состоящие в местных добровольческих пожарных отрядах. Показывают тебе фотографии своих детей, всегда готовы и придержать дверь, и поднести сумку. Иногда их забота становится даже немного навязчивой, так что приходится махать рукой и говорить «я сама». И конечно, такси они тоже вызывали. Как же иначе? Грейс знала, что вызывать для жильцов такси входит в обязанности консьержа, – говорить ей об этом не надо было.

Тем утром, выйдя на Парк-авеню, Грейс чувствовала себя будто наивная Дороти из фильма «Волшебник страны Оз», которая из черно-белого Канзаса перенеслась в цветной сказочный мир. Квартира Линси располагалась в знаменитом доме – даже в скандально знаменитом. В свое время здесь обитало немало гангстеров. Здесь же проживал папин деловой партнер. Грейс много раз праздновала Новый год в квартире на несколько этажей ниже апартаментов Линси. Каждый раз на ней было подобранное мамой платье и лакированные кожаные туфельки из «Тру Тред», а в руках – детская сумочка. Конечно, с тех пор декор в холле изменился – и, пожалуй, не один раз. Грейс уже с трудом припоминала шикарные интерьеры своего детства, вдохновленные эпохой джаза. Теперь кругом были только гранит, мрамор, гладкие металлические поверхности и высокие технологии. Консьержи в униформах, охранники в штатском, только намеком дающие потенциальным нарушителям понять, кто они. И вот, из этого холодного, какого-то отталкивающего богатства Грейс шагнула на городскую улицу. Была весна, и посередине на клумбах с невероятно дорогой землей пробивались к прятавшемуся за облаками весеннему солнышку ярко-розовые и желтые цветы. Сколько лет Грейс каждый год видела эту картину? Сколько раз любовалась рождественскими елками, статуями Ботеро и стальной скульптурой Луизы Невельсон на Девяносто второй улице – той самой, которая считается воплощением Манхэттена? Грейс даже помнила крест, в честь праздника всю рождественскую ночь светящийся на здании «Метлайф», – впрочем, тогда это еще было здание «Пан-Америкэн». В те времена вид креста, освещающего Парк-авеню, не вызвал никаких комментариев и уж тем более общественного возмущения представителей других конфессий и атеистов. Вот какие давние времена помнила Грейс.

Значит, консьерж с радостью вызовет для нее такси?.. Нет, это не мой город, думала Грейс, сворачивая на север и шагая по улице. Когда-то был ее, а теперь – нет. Жить где-то еще Грейс не приходилось – за исключением тех лет, что она провела в колледже. Более того, Грейс даже никогда не задумывалась о том, чтобы перебраться в другой город. Впрочем, в Нью-Йорке постоянство достоинством не считается. Все-таки странный это город – вновь прибывших принимает сразу, стоит лишь высадиться из автобуса, самолета или любого другого вида транспорта. Здесь нет характерного для большинства других мест «испытательного срока», когда считаешься «чужаком», «неместным» или «северянином» и только твои правнуки удостоиваются наконец чести считаться «своими». В Нью-Йорке же вливаешься в кипучую жизнь

сразу и без промедления. Главное, чтобы было куда идти, и присутствовало желание добраться туда как можно быстрее – тогда тебе с ньюйоркцами по пути. Здешним жителям нет ни малейшего дела до твоего акцента, их не интересует, входили ли твои предки в число первых переселенцев. Достаточно того, что ты хочешь жить именно здесь, когда мог бы выбрать любое другое место. Впрочем, местные искренне недоумевают, как вообще можно предпочесть что-либо Нью-Йорку.

Грейс, родившаяся на Семьдесят седьмой улице и выросшая на Восемьдесят первой, до сих пор жила в квартире своего детства и отдала сына в школу, где училась сама. Сдавала вещи в прачечную, услугами которой пользовалась мама, ужинала в любимых ресторанах родителей и покупала Генри ботинки в «Тру Тред». Впервые в этом магазине она побывала маленькой девочкой. Возможно, Генри сидел на том же креслице, что и его мама, и размер ноги ему измеряли тем же специальным инструментом. Короче говоря, Грейс была жительницей Нью-Йорка до мозга костей. Джонатан вырос на Лонг-Айленде, однако превратился в настоящего ньюйоркца, едва повернув ключ в двери их первой неудобной квартиры, располагающейся в башне из белого кирпича на Западной Шестидесят пятой улице рядом с домом Рузвельта. А вот теперь появляется Линси, которая в городе без году неделя, впархивает под руку с успешным мужем и селится в одной из самых роскошных квартир одного из самых знаменитых домов. Причем встретило ее Большое Яблоко одними привилегиями и удовольствиями – магазины, элитная школа для детей, косметологи, прислуга. Подружки похожи на нее как две капли воды. Эти женщины понятия не имеют об истории города – впрочем, данных особ и не интересует то, что происходило здесь до их приезда. Оставалось надеяться, что надолго они здесь не задержатся. Ведь для них Нью-Йорк – просто город, куда перевез их муж. На его месте могла бы оказаться, скажем, Атланта, или Орандж-Сити, или дорогие пригороды Чикаго. И эта женщина тоже называет себя жительницей Нью-Йорка! Возмутительно!

Салли, конечно, была права – Генри не нуждался в том, чтобы его провожали и забирали с музыкальных занятий. Нью-йоркские дети начиная с десяти лет свободно гуляют по всему городу и знают его как свои пять пальцев. И вообще, многие ровесники Генри не обрадовались бы, если бы каждый день в тринадцать в школьном холле их встречала мама. Генри же, несмотря на свои двенадцать, по-прежнему высматривал ее, спускаясь по каменной лестнице и хлопая длинными ресницами. Стоило сыну заметить Грейс, и на лице сразу отражалось облегчение. Генри радовался, что она пришла. Для Грейс это был самый приятный момент любого дня.

Вот Генри подошел к ней. На спине у сына висел футляр со скрипкой. Грейс, как всегда, испытала беспокойство – переносить такой дорогой инструмент таким ненадежным способом... Генри чисто символически обнял Грейс и сразу опустил руки, намекая, что хочет поскорее уйти. Она последовала за сыном, едва удерживаясь, чтобы не велеть ему застегнуть куртку.

Стоило отойти от школы не меньше чем на квартал, и Генри сразу взял ее за руку. У сына до сих пор сохранилась эта привычка, и Грейс постаралась не слишком горячо отвечать на пожатие.

– Как дела? – вместо этого спросила она. – Джона не слишком задирает нос?

Джоной звали бывшего лучшего друга Генри. Как-то раз в прошлом году парень холодно заявил, что больше не заинтересован в продолжении многолетней дружбы, и с тех пор едва здоровался с Генри. Теперь у Джоны появилось двое новых приятелей, которые не отходили от него ни на шаг.

Генри пожал плечами.

– Тебе тоже ничто не мешает найти новых друзей, – заметила Грейс.

– Знаю, – ответил сын. – Ты уже говорила.

Но Генри хочет дружить именно с Джоной. Разумеется. Мальчики были неразлейвода с детского сада и играли вместе каждое воскресенье. По традиции в августе Джона гостил

две-три недели в домике на озере в Коннектикуте, и ребята вместе посещали местный лагерь дневного пребывания. Но в прошлом году родители Джоны развелись. Отец съехал, а мать перевезла детей в квартиру на Вест-Сайд. На самом деле Грейс не удивлялась, что мальчик начал вести себя подобным образом, – таким способом он пытался установить контроль хотя бы над той частью своей жизни, которая зависела только от него, а не от прихоти родителей. Грейс пыталась обсудить ситуацию с матерью Джоны, Дженнифер, но безуспешно.

Учитель Генри жил в обшарпанном здании на Морнинг-сайд-Хайтс с большим темным подъездом. Большую часть жильцов составляли престарелые беженцы из стран Европы и преподаватели из Колумбии. Считалось, что внизу должен дежурить консьерж, но когда бы Грейс с Генри ни пришли, на месте этого неуловимого человека не оказывалось.

Грейс нажала на кнопку домофона и подождала обычные пару минут, пока мистер Розенбаум проделает непростой путь от классной комнаты до висевшей на кухне трубки и впустит гостей. В скрипучем лифте Генри вынул скрипку из футляра и взял в руки как полагается. Мальчик готовился к встрече с требовательным мистером Розенбаумом, который частенько напоминал ученикам, что всегда найдутся другие – причем более талантливые другие, намекал он, – которые счастливы будут занять место неспособных или ленивых. Не в последнюю очередь благодаря напоминаниям матери Генри прекрасно знал, что место в рядах учеников Виталия Розенбаума было предоставлено ему только потому, что он обладает соответствующими способностями и подает надежды. Чем дальше, тем серьезнее Генри относился к оказанной чести. Грейс чувствовала, что сын не хочет лишиться почетного места. Разве что если сам решит уйти, но выгнать себя не позволит.

– Добрый день.

Заранее открыв дверь, учитель ждал на пороге квартиры. За спиной у него виднелся темный коридор. Из кухни доносился безошибочно узнаваемый запах капусты – одного из главных ингредиентов в весьма ограниченном кулинарном репертуаре Малки Розенбаум. Малка до сих пор готовила исключительно традиционные блюда венгерских штетлов⁸.

– Добрый день, – ответила Грейс.

– Здравствуйте, – прибавил Генри.

– Занимался? – сразу перешел к делу Розенбаум.

Генри кивнул:

– Только у нас сегодня утром был тест по математике, вчера надо было готовиться. Пришлось день пропустить.

– Жизнь – сплошной тест, проверка на прочность, – укоризненно, как всегда в таких случаях, произнес Розенбаум. – Из-за математики забрасывать скрипку не годится. Тем более что игра на музыкальных инструментах тоже развивает математические способности.

Генри кивнул. Если верить Розенбауму, музыка помогает добиться успехов и по истории, и по литературе, и по физкультуре, не говоря уже о внутренней гармонии. Все это Генри знал, но было ему известно и то, что учиться надо.

На самом уроке Грейс, как всегда, не присутствовала. По давней привычке села на низкий, украшенный резьбой старинный деревянный стул в коридоре и достала мобильный телефон, собираясь проверить сообщения. Увы, предмет мебели был не слишком удобный – в те времена слишком заботиться о комфорте было не принято, так что приходилось довольствоваться чем есть.

Сообщений обнаружилось два. Одно от Джонатана – писал, что в больницу сегодня поступили два новых пациента, поэтому домой вернется поздно. Вторую эсэмэску прислала клиентка Грейс – отменяла назначенный на завтра сеанс без объяснения причин и предложение перенести встречу на другое время. Грейс нахмурилась. Принимать близко к сердцу про-

⁸ Штетл – еврейское местечко.

блемы клиентов – непрофессиональный подход, но история этой женщины ее беспокоила. Во время прошлого приема ее муж надумал признаться, что его, как он выразился, «юношеские эксперименты» с мужчинами не ограничились студенческим возрастом и продолжаются до сих пор. У Грейс сложилось впечатление, что этот мужчина не «ищет себя», а давно уже нашел. Супруги были женаты восемь лет и воспитывали пятилетних девочек-двойняшек. Немного подумав, Грейс отправила клиентке сообщение с просьбой перезвонить.

По коридору до нее доносилась музыка – соната № 1 Баха, соль минор, сицилиана. Некоторое время Грейс просто сидела и рассеянно слушала, но тут и игру сына, и ее размышления прервало замечание мистера Розенбаума. Грейс достала органайзер, в который записывала назначенное время приемов, и вычеркнула отмененную встречу. Грейс работала с этой парой около восьми месяцев и с самого начала обратила внимание на мужа. Подозрения переросли в уверенность – проблема заключалась в его сексуальной ориентации. Грейс решила не затрагивать этот вопрос сама и подождать, пока супруги по собственной инициативе заведут разговор на большую тему – что, естественно, и случилось. Но только после долгих недель хождения по кругу. Жена жаловалась, что муж отдалился и ведет себя будто чужой человек, не заботясь о делах семьи. Рассказывая обо всем этом, она сидела на кушетке с грустным, поникшим видом. И вдруг ни с того ни с сего проговорилась: то ли на первом, то ли на втором свидании будущий муж упомянул, что у него были отношения с соседом по общежитию.

– Ну да. Я и не скрывал, – принялся отбиваться муж. – Не понимаю, зачем ты сейчас об этом заговорила. Мне просто было любопытно попробовать.

Дзынь! – прозвенел первый тревожный звоночек. И вообще, продолжил муж, серьезные отношения у него были только с одним парнем. А остальные – так... И снова – дзынь!

Очаровательно, с раздражением подумала Грейс, рисуя вокруг зачеркнутых слов морские раковины. И снова, сидя на неудобном кресле в пропахшем капустой коридоре квартиры Виталия Розенбаума на Морнингсайд-Хайтс, Грейс испытала ту же бессильную досаду, что и в тот день. Очень знакомую досаду.

Грейс едва сумела промолчать, а ведь ей так хотелось объяснить этому мужчине несколько простых правил. Что можно, а что нельзя, если ты гей. Можно – придерживаться нетрадиционных сексуальных предпочтений, поскольку это твоя личная жизнь, которая касается только тебя. Нельзя:

- 1) врать, что ты не гей;
- 2) притворяться, что ты не гей;

3) жениться на женщине и заводить с ней детей, не предупредив, что ты гей. Если, несмотря на данное обстоятельство, она захочет создать с тобой семью, это должно быть ее собственное осознанное решение.

А жене Грейс посоветовала бы только одно: если мужчина упоминает, что был в отношениях с представителем своего пола, не выходи за него замуж, и точка. Как-никак, а он тебя предупреждал. Полунамеком, уклончиво, совсем в той манере, в какой подобает взрослому ответственному человеку, но он сам тебе об этом сказал. Поэтому не жалуйся, будто не знала!

Грейс прикрыла глаза. Она приходила в эту квартиру уже восемь лет, и каждый раз, стоило свернуть за угол со Сто четырнадцатой улицы, Грейс сразу вспоминала свою старую наставницу времен магистратуры, которая тоже жила на Морнингсайд-Драйв, только в двух кварталах к северу отсюда. Звали ее доктор Эмили Роз, или мама Роз, как все обращались к этой женщине по ее собственному настоянию. Грейс, откровенно говоря, до сих пор не понимала, зачем ей это нужно. Мама Роз была психотерапевтом старой закалки. В те времена было принято заключать клиентов в долгие объятия, когда они приходили, и в еще более долгие, когда уходили. Во время сеанса следовало держать их за руку (да-да, в буквальном смысле!). Она была яркой сторонницей движения за развитие человеческого потенциала и написала научный труд по межличностной психологии, который в нынешние времена не выдержал бы никакой

критики. Мама Роз встречалась со студентами в том же кабинете, в котором принимала пациентов. Окна светлой комнаты выходили на Морнингсайд-парк. Кабинет украшали многочисленные комнатные растения и висевшие без рам абстрактные полотна, а по полу были разбросаны огромные ковровые подушки. Предполагалось, что посетители должны сидеть на них, скрестив ноги. Каждое занятие, консультация и психотерапевтический сеанс начинались с медвежьих объятий. Грейс подобные штучки казались неприятным проявлением фамильярности. Долгое время Грейс подумывала о том, чтобы сменить научного руководителя, но потом решила остаться, причем по самой низменной, недостойной причине. Насколько было известно Грейс, ни одному из своих студентов мама Роз не ставила оценки ниже отлично.

Из другой части квартиры донеслись тихие шаги. Малка Розенбаум, женщина, которую почти никогда не видно, а если и видно, то не слышно. После войны муж ее приехал в Нью-Йорк первым, Малка же задержалась из-за каких-то бюрократических проволочек, связанных с политикой железного занавеса, и последовала за супругом только спустя годы. В силу этого и прочих тяжелых жизненных обстоятельств возможность обзавестись детьми они упустили, но Грейс почему-то сочувствовала этой паре гораздо меньше, чем многим своим клиентам, страдающим бесплодием или совершенно здоровым, но по неизвестным причинам бездетным. Розенбаум был талантлив и любил свое дело – впрочем, это касалось в большей степени музыки, чем учеников. Однако личностью он был мрачной, а у Малки до такой степени отсутствовал характер, что назвать личностью ее было бы вовсе проблематично. Впрочем, супруги Розенбаум были не виноваты. Во время войны они потеряли все, получили страшную душевную травму и видели ужасы, которые другим и не снились. Некоторым людям удается сохранить оптимизм и жизнелюбие даже после таких потрясений, но большинство на такие подвиги не способно. Розенбаумы явно не стали исключением из правил. Когда Грейс пыталась представить, как они растят младенца, потом малыша, потом школьника, картина складывалась безрадостная.

Следующая ученица Розенбаума, худенькая кореянка в спортивной кофте «Барнард» и с длинными волосами, собранными в хвост при помощи не очень чистой розовой резинки, пришла на несколько минут раньше и смущенно замерла за спиной у Грейс, стараясь не попадаться той на глаза. Прислонилась к стене узкого коридора, с унылым видом просматривая ноты, а когда Генри вышел, все трое присутствующих принялись исполнять неловкий танец, пытаясь обойти друг друга. Надеть верхнюю одежду Грейс и Генри решили на лестничной площадке.

– Как прошел урок? – спросила Грейс.

– Нормально.

На Бродвее они сели в такси и поехали на юг, потом через парк покатали в сторону Ист-Сайда.

– Красиво ты играл, – произнесла Грейс, главным образом для того, чтобы разговорить Генри.

Сын пожал выпиравшими под свитером острыми плечами.

– Мистер Розенбаум другого мнения.

– Неужели? – произнесла Грейс.

Генри снова пожал плечами. Одна пациентка Грейс остроумно заметила, что когда ребенок начинает в ответ на вопросы пожимать плечами – это верный признак, что детство кончилось и наступил подростковый возраст. Если подобное происходит чаще, чем раз в час, значит, первая стадия уже началась. А если чаще двух раз в час – процесс в самом разгаре. Когда же сын или дочь снова начинают отвечать словами, можно говорить о том, что трудный период взросления завершился. Впрочем, достигают данного этапа далеко не все.

– По-моему, мистер Розенбаум думает, что зря тратит со мной время. Просто сидит все занятие с закрытыми глазами, даже не ругается. Не то чтобы он был недовольный...

– Недоволен, – не удержавшись, мягко поправила Грейс.

– Недоволен. Просто раньше он меня чаще хвалил. Как думаешь, мистер Розенбаум хочет, чтобы я к нему больше не ходил?

Сердце Грейс забилося быстрее, будто под воздействием какого-то препарата вроде тех, к которым прибегают спортсмены. Прежде чем ответить, решила подождать, пока успокоится. Вполне возможно, что Виталий Розенбаум, будучи пожилым человеком слабого здоровья, желал бы избавиться от учеников, которые не планируют выступать на концертах или хотя бы учиться в консерватории. Однако при Грейс он ни о чем подобном не упоминал.

– Нет, конечно, – как можно более весело отмахнулась она. – И вообще, ты ведь играешь не для мистера Розенбаума. Конечно, ты должен уважать своего учителя и добросовестно относиться к занятиям, но твои отношения с музыкой никого, кроме тебя, не касаются.

Однако перед глазами пронеслись все годы занятий, прекрасные мелодии, гордость счастливых родителей и, да, деньги. Страшно представить, сколько денег они истратили! Генри не может бросить. Он ведь любит музыку, любит играть на скрипке! Или нет?.. Неожиданно для себя Грейс поняла, что не уверена в ответе, но спрашивать у сына напрямую не решается.

Генри, естественно, опять пожал плечами:

– Папа сказал, что я могу больше не заниматься музыкой, если не хочу.

Потрясенная Грейс уставилась прямо перед собой, на маленький экран в машине, где без звука показывали рестораны, вошедшие в рейтинг Zagat.

– Правда?.. – вот и все, что сумела выговорить Грейс.

– Прошлым летом. Мы поехали на озеро, и я не взял с собой скрипку. Помнишь?

Конечно же Грейс помнила. Тогда она даже рассердилась. Три недели отдыха в Коннектикуте превратились в зря потраченные три недели без практики.

– Папа спросил, нравится мне заниматься музыкой или уже не очень. Я ответил, что не знаю. Тогда папа сказал, что жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на то, что не доставляет удовольствия. А потом объяснил, что многие люди не понимают – заботиться надо прежде всего о своих интересах. Поэтому я могу бросить, если захочу.

У Грейс голова пошла кругом. Как это – свои интересы прежде всего? Что Джонатан хотел этим сказать? Грейс он ни разу ничего подобного не говорил. И вообще, не может быть, чтобы Джонатан действительно так считал. Люди, придерживающиеся подобных взглядов, не лечат больных детей. Джонатан не жалел себя, заботясь о пациентах и их родителях. Подходил к телефону в любое время, вскакивал с постели посреди ночи и мчался в больницу, до последнего искал способ спасти умирающего ребенка. Уж кто-кто, а Джонатан гедонистом не был никогда. Ради дела отказывался и от удовольствий, и тем более от излишеств. Жизнь обоих супругов была посвящена помощи несчастным людям. Рабочие будни бывали мрачными, однако их скрашивали тихое семейное счастье и простые, безыскусные радости. И после этого Джонатан заявляет, что свои интересы прежде всего?.. Наверное, Генри просто недопонял. Грейс как будто вытолкнули из такси. В растерянности она разрывалась между многими чувствами. С одной стороны, одолевало желание немедленно заняться воспитательной работой. С другой, Грейс чувствовала себя виноватой. А главное, она вдруг ужасно разозлилась на Джонатана – вернее, даже не на него самого, а на ситуацию, поставившую Грейс в тупик. Как ему только в голову пришло сказать такое Генри, не посоветовавшись с ней, не обсудив вопрос как следует? Обычно Джонатан предоставлял Грейс разбираться с тем, что называл «высшей лигой воспитания» – то есть с обсуждением сложных тем, таких как любовь, смерть, деньги, честолюбие, призвание, качества, из-за которых портится характер, дружба, ссоры, разные религии и история их формирования, грехи и душа.

– Собираешься бросить музыку? – спросила Грейс по возможности ровным голосом.

Генри снова пожал плечами, теперь более вяло и медленно, будто устал повторять этот жест.

– Знаешь, как мы поступим? – предложила Грейс, когда такси свернуло в южном направлении, на Пятую авеню. – Давай снова обсудим эту тему через пару месяцев. Это очень серьезное решение, не годится принимать его сгоряча. Ты должен быть уверен, что и впрямь хочешь бросить занятия. Можно подумать над другими вариантами – скажем, сменить учителя или выбрать другой музыкальный инструмент.

Впрочем, даже эти компромиссные решения дадутся Грейс нелегко. Язвительный и депрессивный, но буквально осаждаемый желающими записаться к нему в ученики, Виталий Розенбаум был не просто частным преподавателем музыки. Каждый август экзаменовал десятки мальчиков и девочек, чьи родители были достаточно хорошо осведомлены, чтобы обратиться именно к нему. Однако из этого числа для обучения отбирались всего несколько человек. Розенбаум принял Генри, когда сын был четырехлетним малышом с отсутствующим передним зубом и слишком большими руками для его возраста, а также унаследованным непонятно от кого идеальным музыкальным слухом – уж не от родителей точно. Грейс не признавалась, однако другие инструменты, кроме скрипки, недолюбливала. Да, в квартире у них стояло пианино – напоминание о тех временах, когда маленькую Грейс заставляли учиться играть. Однако от занятий девочка не получала ни малейшего удовольствия. Взрослая Грейс давно бы уже отдала инструмент и даже предприняла две попытки это сделать, однако потерпела сокрушительную неудачу. Удивительно, но факт – оказалось, расстроенные пианино примерно шестьдесят пятого года выпуска, изготовленные неизвестным производителем, бешеным спросом не пользуются. А узнав, сколько придется заплатить рабочим, чтобы вынесли его из квартиры, Грейс и вовсе плюнула на эту затею. Духовые инструменты тоже не слишком вдохновляли – как металлические, так и деревянные, не говоря уже о других струнных – за исключением скрипки. Грейс любила скрипичную музыку, ей нравились скрипачи, всегда такие невозмутимые и сосредоточенные. А главное, было в игре на скрипке что-то особенному интеллигентное, интеллектуальное. В Реардоне в одном классе с Грейс училась одна девочка, которая уходила раньше всех, не посещая ни спортивные занятия, ни многочисленные школьные клубы. Однако саму девочку полное неучастие в общественной жизни школы, кажется, нисколько не смущало – она всегда излучала олимпийское спокойствие, которым Грейс невольно восхищалась. А потом, когда Грейс было десять лет, мама привела ее в небольшой зал, смежный с Карнеги-Холл. Там вместе с одноклассниками и их мамами они целый час слушали, как эта девочка дает концерт, исполняя поразительно сложные произведения. Аккомпаниатором выступал очень пожилой, очень лысый и очень толстый пианист. Дети в основном нетерпеливо ерзали в креслах, но мамы – и в особенности ее мама, заметила Грейс – слушали, как замороженные. Потом мама подошла поговорить с матерью этой девочки, женщиной с безупречной осанкой, одетой в классический костюм от «Шанель». Грейс осталась сидеть на месте – поздравить одноклассницу с успехом она стеснялась. После седьмого класса девочка перешла на домашнее обучение, достигнув уровня музыкального профессионализма, при котором график занятий становился еще более интенсивным. Больше Грейс с этой девочкой не общалась. Однако, когда у нее самой появился ребенок, сразу решила, что играть он будет именно на скрипке.

– Как хочешь, мне без разницы, – пробормотал Генри. По крайней мере, Грейс показалось, что сказал он именно это.

Глава 4

Даже слишком добрый

Решив в интересах дела взять самую нежеланную обязанность на себя, в день аукциона Грейс вызвалась дежурить в огромном холле дома Спенсеров. В обязанности ее входило сидеть за столиком возле лифта, принимать гостей, отмечать в списках, кто пришел, а кто нет, а также раздавать аукционные буклеты. Естественно, Спенсеры и их гости пользовались отдельным лифтом, на котором можно было подняться в пентхаус.

Грейс не переставала удивляться, сколь немногих родителей знает по именам. Впрочем, знакомые лица попадались частенько – главным образом, это были женщины, тоже забиравшие детей в три пятнадцать. Постукивая каблуками по мраморным полам обширного холла Спенсеров, эти особы задумчиво прищуривались, явно пытаясь припомнить имя Грейс. А может, гадали, не входит ли она в число специально нанятого по такому случаю персонала. Чтобы не допустить досадный промах, большинство решили остановиться на самом нейтральном приветствии и говорили просто: «Добрый вечер!» А почти всех мужчин Грейс видела в первый раз. Одного или двух она помнила еще по собственным школьным годам в Реардоне, но и тех возраст и благосостояние изменили почти до неузнаваемости. Но с подавляющим большинством Грейс встретилась в первый раз. Школьный порог отцы переступали лишь в крайне редких случаях: иногда заглядывали на родительское собрание или их вызывали в школу, дабы сообщить о неудовлетворительном поведении ребенка. А в остальном после собеседования с родителями новичков – для которого папы, естественно, всегда находили окно в своем плотном расписании – в Реардоне представители мужского пола не показывались. Грейс не сомневалась – для того, чтобы притащить мужей на школьное мероприятие в субботу вечером, женам пришлось пилить их неделями.

– Добро пожаловать на наш великолепный аукцион, – заученно поприветствовала Грейс женщину с такими распухшими губами, что невольно закрадывалась мысль: неужели ее спутник, рассеянный мужчина безобидного вида, перед мероприятием заехал супруге по лицу?

– Сверху открывается очень красивый вид, – сказала Грейс одной из женщин, сын которой учился в одном классе с Генри. Той явно не терпелось как следует осмотреть знаменитый пентхаус. – И обратите внимание на картины Поллока в столовой.

После семи тридцати основной наплыв схлынул. Грейс сидела одна в огромном мраморном холле и постукивала ногтем по столешнице, гадая, когда уже можно будет уйти.

Раньше Грейс в общественной жизни школы участвовать не приходилось. В комитет по сбору средств она записалась добровольно и даже с радостью, однако с самого начала отдавала отчет, какую ношу на себя взваливает. Еще недавно такого рода мероприятия были начисто лишены гламура – место проведения скромное и недорогое, подчас даже обшарпанное, в безнадежно устаревшем меню – сырное фондю, жареные устрицы или куриная печень, завернутые в ломтики бекона, и мгновенно вызывающие опьянение коктейли. Праздники были веселые, без лишнего пафоса. Гости, будучи подшофе, развлекались на всю катушку, пытаясь выиграть занятие с личным тренером или возможность исполнить эпизодическую роль без слов в мыльной опере «Одна жизнь, чтобы жить». Все отлично проводили время. За вечер для школы удавалось собрать от двадцати до тридцати тысяч долларов, так что появлялись средства для обучения особо способных «бесплатных» учеников. Как подозревала Грейс, Мигель Альвес входил в их число. Пожалуй, чем больше в Реардоне разных детей, тем лучше – круг общения у школьников становится более разнообразным и интересным. И это хорошо, напомнила себе Грейс. Более того – очень похвально. Будучи интеллектуальной снобкой, Грейс находила сегодняшний аукцион удручающе безвкусным, однако надо не забывать, что, несмотря на

несколько вульгарную роскошь, у приема все та же благородная цель. И кстати, денег на нее удастся собрать гораздо, гораздо больше. Грейс бы радоваться. Однако почему-то не хотелось.

Она продолжала сидеть за маленьким столиком в холле, раскладывая несколько оставшихся бейджиков с именами, будто это карты, а она дилер в казино. Грейс потрогала пальцем левую мочку уха, которая болела чуть больше, чем правая. Та, впрочем, тоже доставляла беспокойство. Грейс надела тяжелые изумрудные серьги, принадлежавшие маме. Рассудила, что для аукциона в пентхаусе с видом на Центральный парк это самое подходящее украшение. Весь наряд Грейс выстроила вокруг них – простая черная шелковая блузка (как и у большинства жительниц Манхэттена черный был в ее гардеробе основным цветом), туфли на самых высоких каблуках (в них Грейс становилась ростом с Джонатана) и ярко-розовые (даже пронзительно-розовые) брюки из чесучи. Купив их в «Бергдорф» прошлой осенью, Грейс удивила всех знакомых, знавших ее стиль, а еще больше – саму себя. Для того чтобы благоговейно взирать на шедевры Поллока и отвечать на вопрос едва слушающего бизнесмена, что она психолог, – самое то.

Серьги входили в коллекцию достаточно кричащих украшений, которые за годы брака подарил Марджори Рейнхарт муж Фридрих, отец Грейс. Дочь до сих пор хранила эти драгоценности в мамином туалетном столике с зеркалом, в спальне, которая когда-то принадлежала родителям, а теперь – ей и Джонатану. Среди прочих диковинных вещей особенно выделялась, например, брошь, состоящая из большого розового камня, который держали золотые руки. Прикреплено все это было к неровной золотой пластине. Также в число примечательных драгоценностей входили массивное нефритовое ожерелье – где отец его только взял? – леопардовый браслет из черных и желтых бриллиантов, сапфировое кольцо и еще одно ожерелье из непропорциональных, слишком широких золотых звеньев. Пожалуй, единственным, что объединяло эти вещицы, была – увы, но иначе не скажешь – вульгарность. Все в них было чересчур – и толстые золотые звенья, и крупные камни, и слишком броский дизайн. В том, что отец преподносил изысканной и элегантной маме такие неподходящие подарки, было даже что-то трогательное, умилительное. Отец настолько мало разбирался в этом деле, что, только переступив порог ювелирного магазина, сразу становился легкой добычей хитрого продавца, заявлявшего – «чем больше, тем лучше». Эти подарки одновременно воплощали и неуклюжие попытки одного человека сказать «я люблю тебя», и ответ другого – «я знаю».

Тук-тук-тук – постукивала Грейс по столу ногтем со специально сделанным по такому случаю маникюром. Потом, не выдержав, сняла серьги и убрала в вечернюю сумочку. С облегчением потерла мочки и уставилась на дверь, будто надеялась, что силой взгляда может заставить припозднившихся гостей поторопиться. Но прошло еще двадцать минут, никто так и не явился, а на столе еще оставалась лежать жалкая стопка из пяти бейджиков. На четырех были имена двух супружеских пар, с которыми Грейс не была знакома, на пятом – фамилия Джонатана. Все остальные, включая других членов комитета, директора и сопровождавших его лиц давно поднялись наверх. Упомянутые «сопровождавшие лица» были приглашены на предшествующий аукциону «коктейль с директором» и прибыли напрямик отсюда. Проходила встреча в той самой квартире, откуда светская львица Линси отправила Грейс в подъезд вызывать такси. Даже Малага Альвес приехала. Правда, мимо столика прошла не останавливаясь. Впрочем, правильно сделала – бейджика с ее именем все равно не приготовили.

Опоздание Джонатана не удивляло и не расстраивало Грейс. Оба эти чувства в сложившейся ситуации были бы неуместны. Два дня назад умер восьмилетний пациент Джонатана. Несмотря на то что на такой работе подобное происходило постоянно, легче от этого не становилось. Родители были ортодоксальными иудеями, и по традиции похороны следовало провести быстро. На них присутствовал и Джонатан, а сегодня днем снова отправился в Уильямс-

бург⁹, чтобы нанести семье визит соболезнования во время шива¹⁰. Приедет, как только сможет. Вот и все.

Имени ребенка Грейс не знала. Даже была не уверена, мальчик это или девочка. Когда Джонатан рассказывал об этой трагедии, Грейс с благодарностью подумала о том барьере, который они пытаются установить между домашней, семейной жизнью и работой мужа. Из-за этого тонкого барьера умерший ребенок был просто «пациент, всего восемь лет» – что уже само по себе достаточно тяжело. Но насколько хуже стало бы, знай Грейс больше?

– Как печально, – произнесла Грейс, когда Джонатан объяснил, почему опоздает на аукцион.

Муж ответил:

– Да... Ненавижу рак.

Если бы не печальные обстоятельства, Грейс бы улыбнулась. Эту фразу Джонатан повторял часто, и давно уже произносил ее вот так, самым будничным тоном, будто выражал мнение по какому-то обыденному поводу. В первый раз Грейс услышала эти слова в его неприятно пахнущей комнате в общежитии Бостонского университета, только тогда они звучали как воинственный клич. Берегись, рак, Джонатан Сакс идет! Скоро он станет интерном, а потом педиатром и онкологом, специализирующимся на солидных опухолях¹¹. И пусть болезнь не надеется на пощаду! Ее ждет жестокая расплата! Однако бравады больше не осталось. Джонатан по-прежнему ненавидел рак – даже больше, чем в студенческие годы, и с каждым потерянным пациентом это чувство только усиливалось. Однако боевой запал тут был бессилен.

Грейс неприятно было напоминать мужу про аукцион и отвлекать его от боли детей и страха родителей такими пустяками. Но пришлось. Аукцион. Школа. Квартира Спенсеров, сделанная из трех. Огромная усадьба посреди города – так Грейс в первый раз описала пентхаус Джонатану несколько недель назад. Муж, конечно, все принял к сведению, но ему требовалось столько всего держать в голове, что Грейс часто приходилось подсказывать, напоминать. А потом, как в библиотеке, ждешь, пока отыщут и принесут нужную книгу. Иногда дело бывало небыстрым.

– Надеюсь, аукцион не отнял у тебя слишком много времени, Грейс, – проговорил Джонатан. – Почему бы не предоставить все хлопоты женщинам, которые не работают? А у тебя и без того полно дел, чтобы еще собирать деньги для частной школы.

Резким тоном Грейс в очередной раз объяснила, что должна поучаствовать в мероприятии. Впрочем, Джонатан это знал. Было ему известно и то, что они недостаточно состоятельные люди, чтобы компенсировать неучастие.

Конечно, все эти вопросы уже всплывали. Впрочем, так всегда бывает в многолетнем браке. Все подводные течения, и теплые, и холодные, становятся давно знакомыми и привычными. И конечно же Джонатан и Грейс были согласны далеко не всегда и не во всем.

В любом случае муж приедет, когда сможет. А если кто-то спросит, почему его до сих пор нет, Грейс охотно объяснит ситуацию, ведь мужу и без чужого нездорового любопытства по поводу его профессии тяжело приходится. Казалось, никто не понимал, что под приветливым, добродушным фасадом скрывается человек, постоянно имеющий дело с человеческими страданиями. То, как невозмутимо он говорил о раке и детской смертности, придавало людям смелости самим свободно высказываться на эти ужасные темы, однако делали они это почти обвиняющим тоном. Джонатана снова и снова спрашивали, как он только может заниматься этой работой, каждый день общаться с семьями, переживающими такую трагедию, видеть страдаю-

⁹ Уильямсбург – район Бруклина.

¹⁰ Шива – семидневный период глубокого траура в иудаизме.

¹¹ Солидная опухоль – плотная опухоль.

щих детей? Он ведь, наверное, очень переживает, когда пациент умирает? Зачем же Джонатан выбрал настолько тяжелую специальность?

Муж честно пытался ответить на вопросы, однако это не помогало. Хотя любопытствующие выспрашивали подробности, они не смогли бы справиться с тем, с чем Джонатану приходится иметь дело каждый день. Поэтому почти всегда люди отправлялись искать собеседника более приятной профессии. Грейс постоянно становилась свидетельницей подобных сцен. В гостях, во время родительских дней в лагере, на школьных мероприятиях. Всякий раз Грейс становилось грустно, ведь она понимала, что эта приятная женщина, мать одного из одноклассников Генри, или та милая пара, которая снимала на озере коттедж по соседству, не станут друзьями семьи. Когда-то Грейс предполагала, что круг их общения будет в основном состоять из других онкологов и их семей – то есть людей, с которыми Джонатана многое объединяет. Однако отношения с коллегами также не складывались. Возможно, причина в том, что все врачи хотели оставлять все неприятное на работе и не думать об онкологии, выйдя за порог больницы. Видимо, другим это удавалось лучше, чем Джонатану, решила Грейс. Несколько лет назад они некоторое время общались со Стю Розенфельдом, онкологом, который до сих пор подменял Джонатана, если тому надо было по каким-то причинам уехать, и его женой. Обе пары в обществе друг друга чувствовали себя вполне комфортно. Розенфельды обожали ходить в театр и всегда заранее знали, на какую постановку трудно будет достать билеты, поэтому беспокоились заранее, и на спектакле гордо восседали в четвертом ряду рядом с актрисой Элейн Стритч. И это в первую субботу после восторженной рецензии в «Нью-Йорк таймс»! Впрочем, Грейс испытывала по отношению к Трейси Розенфельд скорее восхищение, чем симпатию. Однако общего у них было мало. Трейси, американка корейского происхождения, была юристом и фанатично увлекалась бегом. Однако приятно было пообщаться и куда-нибудь сходить с другой парой. Обе женщины сразу меняли тему, как только мужа заводили разговор о чем-то, рисковавшем испортить вечер – о коллегах по больнице, конкуренции среди врачей и прочих интригах, о больных детях. В целом, супруги притворялись, что они лучшие друзья, чем есть на самом деле. Обсуждали Сондхайма¹², Вэнди Вассерштейн¹³ и неприлично враждебные театральные рецензии Джона Саймона в «Нью-Йорк мэгэзин». В общем, все было мило и безобидно. Так, наверное, продолжалось бы до сих пор, если бы пять лет назад Джонатан, вернувшись домой, не рассказал, что Стю под надуманными предлогами уже несколько раз отменяет намеченные на воскресный вечер традиционные ужины в вестсайдском ресторанчике, который они все любили. Стю извинился, продолжил Джонатан, но, наверное, лучше будет вернуть отношения в профессиональное русло. Похоже, что Трейси... как бы это сказать?..

– Ну? – поторопила раскрасневшаяся от смущения Грейс. – Говори, как есть.

– Вы с ней в последнее время... не ссорились? – спросил Джонатан. Она сразу почувствовала себя виноватой. Так бывает, даже когда уверена, что ничего такого не говорила и не делала. Впрочем, разве можно быть уверенной в подобных вещах? Ведь люди скрывают свои слабые места. Никогда не знаешь, какие твои слова могут задеть и обидеть собеседника.

Так они перестали общаться с Розенфельдами и виделись только на корпоративных мероприятиях, которые, впрочем, проводились нечасто. Иногда случайно встречались в театре, где всегда приветливо болтали и говорили, что неплохо будет как-нибудь вместе поужинать. Однако конкретных планов не строили. Впрочем, для занятых пар это обычное дело.

Больше Джонатан на тему разногласий с Розенфельдами разговор не заводил. Приходилось ему переживать потери и намного тяжелее. Пациенты постоянно умирали от страшного, тяжелого, безжалостного заболевания. Были и другие потери, и то обстоятельство, что люди, о которых шла речь, были живы и здоровы и жили совсем недалеко, на Лонг-Айленде. И личное,

¹² Сондхайм Стивен – американский композитор, поэт и драматург, автор многих бродвейских мюзиклов.

¹³ Вассерштейн Вэнди – американский драматург.

и профессиональное мнение Грейс состояло в том, что в детстве родные нанесли Джонатану все возможные виды вреда, кроме разве что физического. Да и брат его не понимал, какую ошибку совершает, не поддерживая отношения с одним из самых близких людей. Теперь круг общения Джонатана был невелик, и, сколько Грейс его знала, в многочисленных знакомствах муж не нуждался – ему было достаточно семьи, состоявшей из нее и Генри.

С годами Грейс привыкла к такому образу жизни и тоже перестала нуждаться в дружеской компании. Со старыми приятелями она больше связь не поддерживала. Тяжелее всего было вначале, когда с Грейс перестала общаться Вита, но потом стало легче, и она уже не переживала ни из-за нескольких приятелей студенческих лет, ни из-за друзей по Киркланд-Хаус в Гарварде. Впрочем, последних жизнь в любом случае раскидала кого куда, и встречались бывлые друзья разве что на чьей-нибудь свадьбе. «Отвалилась» и еще пара человек, с кем Грейс когда-то нравилось проводить время. Конечно, они с Джонатаном не были отшельниками. Наоборот, принимали активное участие в жизни города, помогали людям. Грейс не считала себя по-особенному доброй или мягкосердечной – и это совершенно нормально, – однако проблемы пациентов не оставляли ее равнодушной. Грейс, как и Джонатану, нередко звонили посреди ночи. Она всегда подходила к телефону и не отказывала в отчаянных просьбах. Если надо, встречалась с клиентами в больницах, а также звонила в скорую помощь и реабилитационные центры по всей стране. Однако Грейс следовала простому принципу – не волноваться из-за тревог и депрессий пациентов, а также из-за пропущенных встреч, если отсутствуют весомые причины для беспокойства.

У Джонатана же все было по-другому. Муж был даже слишком добрым. Более гуманного и самоотверженного человека Грейс встречать не приходилось. Одними словами и прикосновениями он мог принести утешение умирающему ребенку и его горюющим родителям. В зависимости от обстоятельств Джонатан умел и дарить надежду, и мягко сообщать, что пациент неизлечим. Иногда муж так переживал из-за пациентов – и тех, у которых были шансы, и покойных, – что, вернувшись домой, не в силах был разговаривать ни с Грейс, ни с Генри. Уходил в свой кабинет в задней части квартиры, в комнату, которую, как планировалось, когда-нибудь будет занимать второй ребенок. Только взяв себя в руки, он выходил к жене и сыну.

В ту осень, когда они познакомились, Грейс как-то приехала в больницу, где Джонатан проходил интернатуру, и увидела, как он обнимает сотрясавшуюся от рыданий пожилую женщину. Сын старушки, мужчина средних лет с синдромом Дауна, умирал в соседнем отделении из-за врожденного порока сердца. Учитывая обстоятельства, болезнь не была неожиданной, и все же женщина выла в голос от горя. Грейс, приехавшая за несколько минут до того, как закончилось трехсуточное дежурство Джонатана, стояла в конце коридора, не в силах отвести глаз от происходящего, но при этом смущаясь, что подглядывает. Ощущение было такое, будто своим присутствием она оскверняет чистоту этой простой, искренней сцены.

Грейс тогда училась в колледже последний год, специализировалась на бихевиоризме¹⁴ и была твердо настроена применить знания на практике и тоже помогать людям, исцеляя их от боли, пусть не от физической, а от душевной. И все же... те страдания, которым стала свидетельницей Грейс, произвели на нее глубокое впечатление своей силой. На семинарах для старшекурсников преподаватели ничего подобного не рассказывали. Конечно, приходилось изучать и случай Доры, пациентки Фрейда, а в начале учебы Грейс записалась на интереснейший курс психопатологии. Показывали им и классический рисунок, на котором психическая деятельность человека символически изображена в виде колесиков и винтиков в голове, и опыты с мышами в лабиринте, рассказывали о различных теориях, испытаниях новых лекарств и видах терапии: лечение посредством выработки условно-рефлекторной реакции отвращения к алкоголю либо другой вредной привычке, первичная терапия, или исцеление детских травм, музы-

¹⁴ Бихевиоризм – направление в психологии человека и животных, буквально – наука о поведении.

кальная терапия и просто скучные, неэффективные разговоры. Но это... даже стоя в стороне, Грейс чувствовала, что это для нее слишком.

Проблема была в том, что Джонатан будто нарочно искал страдающих людей – вернее, они сами его находили. Словно, затаившись, ждали подходящего человека, перед которым можно излить душу, и, наконец встретив его, не упускали такого шанса. Джонатан будто коллекционировал печальные рассказы незнакомцев и признания людей, виновных в каких-либо проступках. Таксисты жаловались ему на тяжелую жизнь. Джонатан мимо портье в отеле пройти не мог, не выслушав грустную историю о парализованном племяннике или страдающем старческим слабоумием родителе. Ужиная в их любимом итальянском ресторане на Третьей авеню, Джонатан всякий раз спрашивал владельца, как самочувствие его дочери, больной циститным фиброзом. Помогает ли новое лекарство? Ни разу еще этот разговор не закончился на оптимистичной ноте. Дома, с семьей, Джонатан мог быть и веселым, и жизнерадостным, вот почему Грейс так любила эти уютные посиделки. Можно было отдохнуть от едва знакомых и вовсе незнакомых людей, жаждущих воспользоваться добротой ее мужа.

Возможно, причина была в том, что, даже перенеся немало страданий, Джонатан не шаркался от них, как другие, – наоборот, сразу нырял в самый водоворот, чтобы побороться и хотя бы попытаться одержать победу. Грейс любила мужа за это качество, которое ее всегда восхищало. Но, откровенно говоря, в больших количествах оно утомляло. А иногда и тревожило. Джонатан не сумеет искоренить рак, а также избавить людей от всех проблем, бед и печалей. Он только истощает собственные душевные силы. Грейс не один раз заводила разговор на эту тему. Пыталась объяснить Джонатану, что его благородство может обернуться слабостью, и муж может пострадать от гораздо менее благородных людей. Однако Джонатан и слушать ничего не хотел. В отличие от Грейс, он вообще не склонен был замечать плохое в людях.

Глава 5

Доступ к широким возможностям

Едва выйдя из лифта и очутившись в забитом до отказа холле Спенсеров, Грейс поняла, что самая животрепещущая тема вечера – отсутствие хозяев. Особенно переживала Салли – бедняжка была глубоко шокирована, узнав, что Спенсеры не только не собираются встречать гостей вместе с членами родительского комитета, но и вообще не планируют почтить аукцион своим присутствием. И если Джонас уехал в Китай – хотя это, конечно, не самое убедительное оправдание, – то, что именно помешало Сьюки, никто не знал. Возможно, она где-то в городе, а может, отправилась в загородную резиденцию пары в Хэмптоне. Хотя нельзя было исключать, что Сьюки просто скрывается где-то в огромной квартире. Впрочем, ее местонахождение не имело значения. Главное, что она обманула ожидания комитета и сочла участие в аукционе ниже своего достоинства. Салли была возмущена до глубины души. Со стороны забавно было наблюдать, как перед прислугой Спенсеров она старается сохранить на лице благодарное и приветливое выражение, хотя сама едва сдерживает злость.

Внизу, в холле, где дежурила Грейс, только один гость напрямую спросил, будут ли Спенсеры.

– Кажется, мистер Спенсер в Азии, – неопределенно ответила Грейс, думая, что Салли предпочтет не привлекать лишнего внимания к досадному конфузу. Однако Грейс ошиблась – Салли, наоборот, решила оповестить как можно больше народу о скандальном поступке Спенсеров. Потягивая шампанское из любезно предложенного Сильвией бокала, Грейс наблюдала, как Салли, будто раздосадованная колибри, быстро перепархивает от одной группы беседующих к другой, только, в отличие от тропической птички, переносила вовсе не пыльцу, а собственное смятение и недовольство. Грейс и Сильвия стояли рядом, попивая шампанское, и даже не пытались вмешиваться. В начале вечера они уже старались успокоить Салли. Зато посмотри, в каких красивых апартаментах нам позволили провести аукцион, твердили они. Огромные комнаты, полотна, достойные Музея современного искусства, – в общем, ни единого изъяна. И если гости разочарованы, что не познакомились с королем всемирных масс-медиа, по крайней мере, они получили возможность побродить по его шикарному пентхаусу. К тому же другие родители не должны удивляться, что у такого влиятельного человека нашлись дела поважнее, чем школьный аукцион. Не говоря уже о том, что среди гостей много мужчин, а они, как известно, народ ненаблюдательный и отсутствие жены Спенсера вовсе не заметят – а если и заметят, оскорбленными себя не почувствуют. Женщины, конечно, совсем другое дело. Милые дамы не упустят случая посыпать соль на рану организаторов аукциона. Но это будет уже после того, как пройдут торги. Покупатели выпишут чеки, средства будут собраны, а желанная цель – достигнута. Тогда пусть болтают, что хотят.

Обязанности отсутствующих хозяев исполнял многочисленный персонал под командованием секретарши. Как минимум двадцать охранников в униформе были рассредоточены по квартире и охраняли двери, ведущие в закрытые для посторонних части апартаментов. Все они подчинялись вышеупомянутой секретарше – и это не считая горничных, официантов и двух женщин родом с Карибских островов. Последних Грейс заметила выходящими из кухни с подносами в руках, потом скрывающимися за одной из охраняемых дверей. В результате ощущение было такое, будто прием проходит в одном из тех ньюпортских поместий, которые, будучи нежилыми, сдаются под банкеты. Еще мероприятие напоминало свадебную церемонию в храме Дендур¹⁵, выставленном в музее Метрополитен. В общем, что-то роскошное, но при

¹⁵ Храм Дендур – был построен в XV в. до н. э. в Древнем Египте и подарен музею Метрополитен в 1965 г., где был сложен заново.

наличии определенной суммы денег доступное для всех желающих. Аукцион, устроенный в доме родителей ученика школы, должен проходить как-то по-другому. Грейс тоже испытала разочарование, однако сумела его подавить. Она отлично представляла, на что надеялась – вернее, на что *рассчитывала* Салли. Конечно же хотела послушать истории хозяев о том, как они приобрели все эти прекрасные произведения искусства и какого труда им стоило найти нужный сорт дамасского шелка для занавесок в гостиной. Наверное, Салли даже думала, что ей позволят заглянуть в одну из знаменитых гардеробных. По общему признанию, Сьюки Спенсер была самой нарядной мамочкой в школе. А желание Салли посетить легендарную кладовую Грейс втайне разделяла. Сьюки, будучи с острова Хоккайдо, под завязку набила ее экзотическими японскими продуктами. В журнале «Вэнити фэр» Грейс прочла, что детей Спенсеры держат на строгой макробиотической диете.

А фотографии, которые для любой хозяйки намного соблазнительнее порнографии! Снимок огромной постирочной был опубликован в «Архитектурал дайджест». Три одетые в форму сотрудницы этой домашней прачечной гладили простыни с каким-то уникальным числом нитей на квадратный сантиметр. Однако ни в одну комнату, кроме тех, что предназначались для приема гостей, хода не было. Стало ясно, что поближе познакомиться с хозяевами нечего и рассчитывать. Салли еле-еле умудрялась оставаться спокойной, а о том, чтобы быть очаровательной и любезной, уже и речи не шло. За час до прибытия первых гостей она носилась по залам под конвоем двух охранников, наводила порядок на аукционном столе и проверяла, все ли в порядке в устроенном в холле под величественной лестницей баре. Сильвия и Грейс бегали следом. Чуть-чуть компенсировала разочарование представившаяся возможность самой поиграть в хозяйку великолепного пентхауса. Одета Салли была как раз подходяще – платье с хищным тигровым принтом от Роберто Кавалли едва скрывало пышную – зато, по крайней мере, натуральную – грудь, а туфли впечатляли высоченными шпильками. К тому же Салли была в буквальном смысле слова увешана бриллиантами. Стоило взглянуть на эти украшения, и сразу напрашивалось сравнение с наборами для маленьких девочек – большие пластиковые ожерелья, сережки, браслеты и кольца.

– Смотри – Малага, – вдруг сказала Сильвия.

Повернувшись, Грейс увидела Малагу Альвес, стоявшую возле одного из высоких окон с бокалом красного вина в руке. Вторую руку женщина неловко держала за спиной. Глядя на ее одинокую фигуру, складывалось впечатление, что на этом пышном сборище Малага чувствует себя неловко. Однако одиночество долго не продлилось. Взглядам Грейс и Сильвии представилось нечто совершенно удивительное. Сначала к Малаге подошел один мужчина в смокинге, потом второй. Причем вторым оказался Натан Фридберг – тот самый, который собирался открыть летний лагерь, место в котором будет стоять двадцать пять тысяч долларов. Когда мужчины приблизились к ней, Малага подняла голову и улыбнулась. Тут Грейс заметила, как женщина неувовимо изменилась, вернее, преобразилась. Грейс не сразу увидела удивительную перемену, поскольку Малага стояла между двумя высокими мужчинами – один хорош собой, другой – не очень. Как выразился бы Фицджеральд, Малага раскрылась, будто цветок, и вдруг сделалась неотразимо привлекательной. Малага была одета в простое светло-розовое платье, узкое, но не слишком обтягивающее еще не пришедшую в норму после родов фигуру. Подол заканчивался чуть-чуть выше колен, отличавшихся весьма красивой формой. На шее висел маленький золотой крестик. Других украшений не было. Малага улыбнулась веселой, очаровательной улыбкой и кивнула сначала одному мужчине, потом другому. Грейс вдруг обратила внимание на ее изящную шею. Только сейчас она заметила, какая у Малаги гладкая кожа. Декольте открывало грудь в достаточной степени, чтобы была возможность оценить и размер, и форму. Чуть полные плечи говорили о том, что Малага даже не пытается их накачать. Она выглядела очень... Грейс попыталась подобрать нужное слово... женственно.

Тут подошел третий мужчина, плотного телосложения и коренастый – кажется, отец одноклассницы Генри, занимает высокую должность в банковском холдинге «Морган Стэнли». Очень, просто до неприличия богатый человек. Все трое то что-то рассказывали Малаге Альвес, то переговаривались друг с другом, а она просто стояла и смотрела на них, не принимая участия в беседе. Даже не кивала. Но все трое продолжали вертеться около нее. На глазах у изумленных Грейс и Сильвии подошел четвертый мужчина, якобы желая поздороваться со знакомым. Но, едва исполнив эту формальность, сосредоточил все внимание на Малаге Альвес.

Даже на Грейс, изучавшую социальную психологию, это удивительное проявление неприкрытого сексуального влечения произвело сильное впечатление. Да, черты лица у Малаги Альвес были непримечательные, и в целом в ее внешности не было ничего особенного. Более того, у этой женщины явно присутствовал лишний вес – достаточно посмотреть на ее пухлые щеки, полные руки и шею! Однако сочетание всех этих неприметных характеристик неожиданным образом давало совершенно сногсшибательный эффект. Наблюдать за мужчинами было забавно, но при этом их лицемерие вызывало у Грейс легкое чувство омерзения. Скорее всего, на этих четверых трудятся домработницы, внешне похожие на Малагу Альвес. Те же плоские черты лица и кремовая кожа, а под скромными униформами прячутся такие же пышные груди и бедра. Эти мужчины регулярно общаются с женщинами этой или родственных национальностей и на работе, и дома. Должно быть, прямо сейчас соотечественница Малаги Альвес присматривает за детьми кого-то из собравшихся или занимается стиркой. Но разве со знакомыми женщинами они ведут себя так же, как с этой, незнакомой? Нет – если, конечно, дорожат семьей и браком и не хотят, чтобы жена потребовала развода, подумала Грейс.

В великолепном холле, больше напоминавшем зал, толпились суперухоженные женщины, признанные (и даже прославленные) красавицы, прибегшие ко всем существующим услугам индустрии красоты – аэробика, массаж, окрашивание волос, прическа, маникюр, педикюр, бразильская эпиляция. А эксклюзивные наряды! И все же мужчины, как пчелы на мед, слетались к скромной Малаге Альвес. Чары ее были просты, но при этом сокрушительно мощны, однако переливающиеся бриллиантами дамы их даже не замечали. Песня сирены, которую слышат только мужчины, подумала Грейс, обводя взглядом столпившихся у позолоченных стен и огромных окон гостей. Видимо, чтобы почувствовать этот эффект, без Y-хромосомы не обойтись.

Отдав пустой бокал одному из официантов, Грейс отправилась помогать Салли. Та доносила до сведения гостей, что пора переходить из холла в гостиную, причем наполовину вела их, наполовину гнала, точно пастушья собака овец. Сообразив, что скоро надо начинать аукцион, Сильвия разыскала своего приятеля – того самого, которому в школе не давалась тригонометрия. Теперь же он возглавлял в «Сотби» отдел, занимающийся американской мебелью. Это был лысый, очень худой и явно добросовестный мужчина – по крайней мере, к выбору наряда для аукциона отнесся продуманно и надел шелковый галстук-бабочку цветов Реардона, синего с зеленым. Сильвия вывела его на приподнятую платформу в углу комнаты.

– Всем добрый вечер! – прочирикала Салли в микрофон и стала стучать по нему длинным ногтем.

Собравшиеся прекратили разговоры и заткнули уши.

– Эта штука точно работает? – засомневалась Салли.

С удивительным единодушием толпа дала быстрый утвердительный ответ.

– Добрый вечер, дамы и господа! – повторила Салли. – Перед началом аукциона давайте поаплодируем нашим хозяевам, Джонасу и Сьюки Спенсер! Таким образом мы символически выразим благодарность за столь щедрое и любезное приглашение, – без малейшего энтузиазма предложила Салли. Потом так же неубедительно прибавила: – Все мы очень признательны.

Родители захлопали. Грейс присоединилась.

– Также хочу особо отметить весомый вклад членов нашего комитета. Спасибо за проделанную работу! – продолжила Салли. – Именно благодаря их самоотверженному труду все мы сегодня собрались здесь. Это они позаботились о нашем замечательном угощении и собрали множество чудесных лотов для аукциона. Итак, перечислим поименно. Аманда Эмери... Где Аманда?

– Я здесь! – прочирикала Аманда откуда-то из задней части гостиной и, подняв над покрашенной в яркий блондинистый оттенок головой руку с массивным сверкающим браслетом на запястье, энергично помахала.

– Сильвия Штайнметц... Грейс Сакс...

Грейс тоже помахала, подавив легкое раздражение. Она не Грейс Сакс, и никогда ею не была. Не то чтобы Грейс не нравилась фамилия мужа или ее смущали громкие ассоциации (Джонатан, впрочем, происходил не из богатой и влиятельной ветви и не состоял в родстве ни с Уорбургами, ни с Лейбами, ни с Шиффами. Его родные прибыли через Бостон из штетла в Восточной Польше). Но Грейс была не Сакс, а Рейнхарт. Под этой фамилией Грейс работала, она же будет значиться на обложке, когда выйдет книга, и во всех школьных документах Грейс фигурировала как Рейнхарт – включая бумаги, относившиеся к аукциону. Как ни странно, единственным человеком, называвшим ее Грейс Сакс, был отец.

– И наконец, ваша покорная слуга, Салли Моррисон-Голден! – объявила Салли, выдержав паузу для аплодисментов. – Я так рада, что сегодня мы собрались здесь, чтобы отдать дань благодарности нашей замечательной школе и сделать все возможное, чтобы наши дети каждый день приходили туда с радостью и удовольствием! Конечно, многие из вас сейчас подумали, – с хитрой улыбкой прибавила Салли, – «разве мы мало платим за учебу?».

Как и ожидалось, публика ответила смущенными смешками.

– Разумеется, нет. Но на всех нас лежит ответственность. Наша задача – позаботиться о том, чтобы в Реардоне могли обучаться те, кто этого достоин, вне зависимости от финансового положения.

Можно подумать, у нас какой-то чудесный оазис всеобщего равенства, скептически подумала Грейс. Толпа вяло похлопала.

– И конечно, – продолжила Салли, – именно мы должны позаботиться о том, чтобы наши замечательные учителя получали достойные зарплаты, иначе все они отправятся искать работу в других школах. Мы любим наших педагогов!

– Так точно! – крикнул кто-то из-под картины Джексона Поллака, вызвав тем самым взрыв смеха. Конечно, развеселил всех стиль ответа, а не его содержание. Да, учителей мы любим, подумала Грейс. Вот только недостаточно, чтобы пригласить их на сегодняшний вечер. Впрочем, какой учитель сможет выложить двести пятьдесят долларов за билет?

– Надеюсь, все захватили чековые книжки. Конечно, пить чудесное вино, угощаться изысканными блюдами и любоваться великолепным видом очень приятно, но нельзя забывать, зачем мы собрались! – улыбнулась Салли, восхищаясь собственной находчивостью. – Мы принимаем к оплате «Визу», «МастерКард», карты «Америкэн экспресс»! А также акции и облигации!

– Картины! – подхватила Аманда Эмери. – Недвижимость!

Ответом были неловкие смешки.

– А теперь, – возвестила Салли, – прежде чем засучим рукава и приступим к серьезному делу – то есть трате денег, – наш обожаемый директор, наш мистер Чипе¹⁶ Роберт Коновер хочет выступить с обращением. Роберт?..

¹⁶ Мистер Чипе – прозвище старого учителя мистера Чип-пинга, героя романа Джеймса Хилтона «До свидания, мистер Чипе» и снятого на его основе одноименного фильма.

Директор прокладывал путь к платформе из дальнего угла гостиной. Когда он начал произносить речь, Грейс особенно не слушала, понимая, что слова прозвучат вполне предсказуемые. Опять благодарности, снова напоминания, для какой цели собираются деньги, и разглашательства на тему, как приятно, что работа учителей получила столь высокую оценку. От скуки Грейс принялась глазеть по сторонам. Сильвия сидела рядом с ней за маленьким столиком. Перед ней наготове стоял ноутбук – Сильвии было поручено записывать ставки. Грейс посмотрела на экране время. Двадцать тридцать шесть. Джонатан не просто задерживался, а опаздывал, причем очень серьезно. Грейс прочесала взглядом толпу, для удобства мысленно поделив ее на сектора. Сначала справа налево, потом спереди назад. Джонатана среди гостей не оказалось. И в дверях его тоже не было видно. Тут в холл влетела маленькая группа, состоящая из опоздавших пар. Грейс признала в них родителей учеников младшей подготовительной группы. Джонатана с ними не было. Видно, вновь прибывшие все вместе начали праздновать торжественное событие заранее, в процессе чего напились до такой степени, что не заметили в холле вешалки. Припозднившиеся гости ввалились в гостиную в темных мехах и кашемире, смеясь над чем-то явно забавным, но не имеющим отношения к аукциону. Тут один мужчина наконец сообразил, куда они пришли и зачем, и велел остальным троим помалкивать. Между тем лифт за ними закрылся, а Джонатан все не шел.

Значит, визит соболезнования затянулся. Должно быть, родители не захотели отпускать его без угощения или матери в присутствии лечащего врача сына стало немного легче на душе. А может, собрался миньян¹⁷, чтобы произнести кадиш¹⁸. В таком случае Джонатан никак не мог уйти и должен был хотя бы поприсутствовать и покивать в такт – вряд ли даже после стольких похорон пациентов он помнит слова молитвы наизусть. Грейс поражало, как он это выдерживает – еще одна шива, еще одна скорбящая семья, еще один кадиш. Джонатан несет на себе поистине непомерный груз – больные дети, их испуганные родители... По сравнению со сверкающей роскошной комнатой все это совершенно другой мир, подумала Грейс, обводя взглядом чуть покрасневшие лица гостей. Слушая директора, они радостно кивали – видимо, директор говорил что-то приятное. Наверное, сообщал, что благодаря их здоровым, крепким детям школа заняла высокое место в очередном рейтинге частных образовательных учреждений Нью-Йорка. А может, рассказывал, что среди выпускников Реардона процент поступивших в университеты Лиги плюща выше, чем в Тринити и Ривердейле. Точно по команде, гости дружно улыбались и смеялись. А почему бы и нет? Здесь, в этом возвышавшемся над обыденными заботами пентхаусе, у всех все хорошо. Мужчины приумножают богатства, а женщины на добытые средства вьют роскошные гнездышки. И всех объединяет благородная цель – проявить «самоотверженность» и собрать пожертвования на школу, где учатся их же дети. Даже трудно представить, что где-то кто-то может переживать трагедию, свидетелем и участником которой стал Джонатан. Грейс представила мужа в крошечной квартирке в Краун-Хайте вместе с другими горящими. К пальто приколот квадратный кусок ткани¹⁹. Вот он пожимает руки, склоняет голову, когда произносят молитвы, и чувствует – уж в этом Грейс была уверена, – что во всем виноват он.

Кто знает, когда Джонатан сможет приехать и приедет ли вообще? На секунду Грейс позволила себе предаться досаде. Но потом это неуместное ощущение отступило, сменившись гораздо более длительным чувством вины. Иногда Грейс прямо-таки ненавидела себя.

Между тем за привычное дело взялся аукционист «Сотби».

– Внимание, позвольте сделать краткое объявление, – провозгласил он.

¹⁷ Миньян – в иудаизме: кворум из десяти взрослых мужчин, необходимый для ряда религиозных церемоний.

¹⁸ Кадиш – здесь: поминальная молитва.

¹⁹ Во время шивы принято прикалывать кусок ткани, из которой шили погребальную одежду – тахрихим.

Этот худощавый мужчина в якобы школьном галстуке держал в руке наполовину полный стакан воды. Стакан был самый простой, обыкновенный. Грейс сразу догадалась, что за этим последует, поэтому на Салли смотреть не решалась.

– К нашему аукциону добавился новый лот, – продолжил он. – И это мое собственное пожертвование в пользу школы Реардон, ради которой мы все здесь собрались. Выставляю на продажу вот этот стакан воды из-под крана. Уточню – из-под крана в кухне. Начальная цена? Ноль. Любой из присутствующих мог бы сходить к раковине и налить воды в такой стакан самостоятельно.

Это вряд ли, подумала Грейс.

– А ваш стакан наполовину пуст или наполовину полон? – крикнул мужской голос из задних рядов.

Аукционист улыбнулся, но отвечать не стал.

– Делайте ваши ставки! – воскликнул он и поднял стакан над головой.

– Тысяча, – объявил кто-то с середины комнаты. Натан Фридберг, тот самый, у которого места в летнем лагере по двадцать пять тысяч каждое.

– Отлично! – прокомментировал аукционист. – Теперь наш замечательный стакан стоит тысячу долларов. Значит ли это, сэр, что вы готовы пожертвовать тысячу долларов родительскому комитету школы Реардон в обмен на полстакана воды?

Натан Фридберг засмеялся. Рядом с ним стояла жена, сжимавшая в унизанных кольцами пальцах ножку такого же обыкновенного бокала вина. Другой рукой женщина сжимала локоть супруга.

– Нет, – усмехнулся Фридберг. – Но готов пожертвовать две тысячи долларов.

Казалось, напрягшая толпа разом выдохнула.

– Значит, теперь стакан стоит уже две тысячи, – одобрительно кивнул аукционист. – Собственно, к чему я это затеял? Перед началом торгов всем нам следует вспомнить, с какой целью мы участвуем в аукционе. Разве мы не можем просто купить билет на бродвейский мюзикл? Или сами снять на недельку квартиру в Париже? Конечно же можем. Но суть нашего аукциона в другом. Мы здесь для того, чтобы собрать деньги для школы, в которой учатся наши дети, и это дорогого стоит. Предметы и услуги, выставленные в качестве лотов, оправдывают любые затраты. Кстати, должен заметить, – аукционист улыбнулся, – за свою карьеру я повидал множество аукционов, и ваш ничуть не уступает лучшим образцам.

– Три тысячи! – поднял руку Саймон Голден.

– Благодарю! – Аукционист поднял бокал, вода в котором становилась все дороже и ценнее. – Я ведь уже сказал, что это не шутка, и я всерьез рассчитываю выручить за этот стакан кругленькую сумму?

Теперь засмеялись все. В торгах решил поучаствовать еще чей-то муж, потом еще один. С каждой ставкой цена возрастала на тысячу долларов. Когда она достигла одиннадцати тысяч, аукционист снова поднял стакан. Казалось, даже он почувствовал, что этот балаган пора прекращать, пока дело окончательно не вышло за рамки разумного.

– Будут еще ставки? Предупреждаю – торг завершается.

Ставок больше не было.

– Продано! Один стакан, наполовину наполненный нью-йоркской водопроводной водой, достается джентльмену в очень элегантной синей бабочке за одиннадцать тысяч долларов. Сэр, получите вашу воду.

Под оглушительные аплодисменты Натан Фридберг приблизился к платформе, взял у аукциониста стакан и осушил приз до дна.

– Великолепный вкус! – доложил Фридберг. – Деньги потрачены не зря!

«Разогрев» мужчин и вселив в них боевой дух, аукционист начал серьезные торги. Путешествия, украшения, ужин с шеф-поваром в «Блю Хилл», билеты на церемонию вручения

театральной премии «Тони», неделя в спа-отеле «Кэннон Ранч». Ставки бодро сыпались одна за другой, каждый резкий удар молотка по кафедре сопровождался всеобщим счастливым вздохом. Грейс видела, что Салли буквально вне себя от восторга. Продали только половину списка, но уже собрали больше, чем планировали за весь вечер.

Конечно, многие лоты звучали абсурдно, но даже Грейс знала – на школьных аукционах это обычное дело. В Дальтоне кто-то выставил на продажу право провести день в Овальном кабинете²⁰ – причем этой чести должен был удостоиться не сам победитель торгов, а его ребенок. В Спенсе кто-то за солидное пожертвование получил возможность сидеть рядом с главным редактором «Вог» Анной Винтур во время одного из показов Недели моды. Видимо, беседа с гуру модной индустрии в стоимость не входила. А про Коллегиат и вовсе ходили слухи, что там участникам предлагали встречи один на один с деканами, отвечавшими за набор новых студентов в Йеле и Амхерсте. Иными словами, на продажу выставялся Доступ. Причем не за кулисы театра Гарден, хотя этот скромный лот предлагался на аукционах всех частных школ города. Нет, речь прежде всего шла о доступе к информации. И конечно, к широким возможностям.

Во время разгоряченных торгов за недельный отдых в Монтоке Грейс потихоньку выскользнула в холл, но туалет оказался занят.

– Скажите, пожалуйста, где здесь другая ванная? – шепотом спросила она у одного из многочисленных охранников. Тот мотнул крупной головой, указывая на дверь, за которой час назад скрылись две уроженки Карибских островов. – Можно?.. – на всякий случай уточнила Грейс.

За дверью скрывался не слишком широкий коридор, пол которого устилало какое-то хрустящее под ногами покрытие – кажется, из сизаля или чего-то в этом роде. С потолка на расстоянии десяти футов друг от друга свисали маленькие приглушенно светившие люстры. Однако над картинами старых мастеров была прикреплена собственная, идеально продуманная точечная подсветка. Благодаря ей полотна сразу бросались в глаза на темных стенах. Не удержавшись, Грейс остановилась перед обнаженной натурой Рембрандта. Трудно было поверить, что она не в музее, а в квартире, тем более в заднем коридоре. Стоило закрыть за собой дверь, и шумную вечеринку будто отгородило непроницаемой магической завесой.

Двери тянулись только с одной стороны коридора, будто в общежитии или в крыле для слуг в какой-нибудь старинной усадьбе. Впрочем, второй вариант, должно быть, недалек от истины, решила Грейс. Еще раз подумала о двух женщинах, скрывшихся за этой самой дверью с подносами, на которых, похоже, несли свой собственный ужин. Видимо, это были освобожденные от обязанностей няни. Возможно, дети легли спать, или их вовсе здесь нет. Тогда за чадами присматривают коллеги этих женщин в другой квартире или доме Спенсеров. Все двери были закрыты. Грейс направилась вперед, переходя от одной картины к другой, будто перепрыгивала реку по листьям кувшинок. Ванная обнаружилась в конце коридора благодаря видневшемуся сквозь щели свету и блеску белоснежной плитки. Дверь конечно же тоже была самым предостерегающим образом закрыта. Внутри с шумом работал потолочный вентилятор. Вдобавок слышался плеск воды – похоже, кран был включен. И еще что-то... Грейс нахмурилась. Как любой психолог, с этим звуком она была прекрасно знакома. Плач, причем самый искренний, надрывный и отчаянный, лишь чуть-чуть приглушенный прижатой ко рту ладонью. Грейс много раз видела этот жест, и призван он был вовсе не произвести впечатление на публику или добавить драматизма – рыдающие просто пытались сдержать рвущиеся наружу завывания. Даже спустя столько лет этот звук производил на Грейс самое удручающее впечатление. Она застыла в нескольких футах от двери, стараясь ничем не выдавать своего присутствия – даже дыхание затаила. Не хотелось добавлять к страданиям этой женщины осознание, что ее подслушивает чужой человек.

²⁰ Овальнный кабинет – кабинет президента США.

Нетрудно было догадаться, кто скрывается за дверью и из-за чего она так переживает. Грейс, как любая хоть чуть-чуть равнодушная нью-йоркская мать, отлично знала, что у многих женщин, заботящихся об отпрысках богатых и знаменитых, есть собственные дети. Но чаще всего они были далеко – на островах, в других странах. Сколько сожаления и горечи вызывала эта горькая ирония... Данную тему не принято было затрагивать при встречах и в школьных коридорах. Она относилась целиком и полностью к миру нянь, который от мира матерей отделяла невидимая стена. Конечно, это был не секрет, однако порой создавалось чувство, будто речь идет о важной тайне. Что за жестокая издевка судьбы! Неудивительно, что эта несчастная женщина так рыдает, подумала Грейс, глядя на закрытую дверь. Она продолжала неподвижно стоять на том же месте, на сизалевой ковровой дорожке. Скорее всего, бедная няня вынуждена была оставить собственных детей в доме, который был во всех смыслах и отношениях далек от этого элитного пентхауса. И все ради того, чтобы дарить заботу и даже нежность детям Джонаса и Сьюки Спенсеров в этом невероятно дорогом городе. Видимо, женщина улучила редкую свободную минуту, когда квартира битком набита гостями, а хозяев нет дома, и предалась горю матери, разлученной с детьми.

Грейс попятилась, надеясь, что сизаль под ногами не будет шуршать. К счастью, ей удалось не наделать шума. Грейс сделала еще один робкий шаг назад, потом повернулась и вернулась туда, откуда пришла.

Пройдя через «магическую» дверь, Грейс почувствовала, как завибрировала вечерняя сумочка, которую она сжимала в руке. Грейс достала мобильный телефон и увидела, что пришла эсэмэска от Джонатана. Действительно, на аукцион муж так и не приехал – впрочем, об этом Грейс уже было известно. Однако Джонатан преподнес жене сюрприз – оказалось, на какой-то части аукциона он все-таки присутствовал. «Извини, что опоздал, задержался из-за шивы, – писал Джонатан. – Пришлось быстро уехать – вызвали в больницу, п-ту стало хуже, постараюсь вернуться домой пораньше. Прости, прости, прости».

«П-там» Джонатана постоянно становилось хуже. Иногда этот факт подтверждал онкологический диагноз, иногда становился препятствием на ровном до этого пути к излечению, иногда состояние резко становилось критическим. Джонатану постоянно звонили матери, чьи смысленные и развитые пятилетние дети буквально в одну секунду превращались в больных, и над их головами словно завис нож гильотины, явившийся в воздухе, точно колесо в видении пророка Иезекииля. Родителей всегда доводило до иступления собственное бессилие, все они были на грани. Джонатана и били, и рыдали у него на груди, и пытались уговорить на что-то дикое. Матери тайком исповедовались ему, открывая свои самые тщательно хранимые секреты. «Я ходил к проститутке. Может, он из-за этого заболел?». «Я тайком курю, уже четыре года. Даже во время беременности не могла удержаться. Вдруг причина в моей привычке?». Джонатан каждый день имел дело с такими «рабочими моментами». Каждый кризис нес угрозу жизни пациента или менял ее до неузнаваемости, у всех до единого были серьезные последствия. Даже Грейс, которой неоднократно случалось выяснять, что проблема клиента не так безобидна, как казалось на первый взгляд, с трудом могла представить, с чем приходится постоянно сталкиваться мужу.

«Я тебя не видела», – тут же набрала Грейс ответ. За все годы эсэмэски мужу она навестила строчить с невероятной скоростью.

«Махал руками, как мельница!» – принялся оправдываться Джонатан.

Грейс вздохнула. Нет смысла предъявлять мужу претензии. По крайней мере, он сдержал обещание и приехал.

«Ладно, увидимся дома, – напечатала Грейс. – Целую». Джонатан прислал ответный поцелуй. Так они всегда прощались – во всяком случае, во время электронной переписки.

Когда из туалета для гостей вышла Дженнифер Хартман, Грейс вежливо ей кивнула и зашла внутрь. Там сверкала огромными подвесками еще одна люстра, отбрасывающая ажур-

ную тень на стены. Над унитазом висел автопортрет Уорхола. Казалось бы, такая картина в туалете совершенно неуместна, поскольку отбивает охоту делать то, зачем сюда, собственно, пришли. Грейс вымыла руки лавандовым мылом.

Аукцион почти завершился. Из лотов остался только лагерь юных миллионеров (так Грейс мысленно прозвала затею Натана Фридберга). Сначала за честь записать туда ребенка сражались четверо, потом трое, потом двое. Наконец лот был продан за тридцать тысяч долларов – по утверждению Фридберга, цена просто смехотворная, особенно если учесть, что пожертвования налогом не облагаются. Желанный приз достался ухоженной европейской паре, с которой Грейс знакома не была.

На этом аукцион закончился. Все присутствующие вздохнули с облегчением и удовлетворением. Салли, как заметила Грейс, с удовольствием купалась в лучах славы, обнимаясь то с директором Робертом, то с Амандой. Последняя возвещала победу громким, несолидным «Ура!». При этом Аманда стискивала более высокую подругу в объятиях и заставляла ту неуклюже подсакивать вместе с ней – совсем как Хилари Клинтон и жена Альберта Гора Типпер Гор на съезде демократов. Мужчины энергично пожимали друг другу руки и обменивались добродушными поздравлениями. Затем народ начал массово расходиться. Несколько пар уже успели потихоньку выскользнуть за дверь. Однако Малага Альвес продолжала стоять на месте, держа в руке аукционный каталог так, будто договорилась о встрече с человеком, который должен был узнать ее по этой примете. А может, просто обмахивалась. Если не считать короткого приветствия внизу, возле лифта, за весь вечер Грейс с этой женщиной ни разу не заговорила. Когда двери лифта открылись, Малага вошла в кабину вместе с остальными. Тут к Грейс протиснулся Роберт Коновер и, положив большую руку ей на плечо, прижался своей щетинистой щекой к ее щеке. По словам Роберта, Грейс замечательно справилась с поставленной задачей.

– Основная заслуга принадлежит Салли, – возразила Грейс. – И конечно, Спенсерам. Нужно отдать им должное.

– Разумеется. Правда, придется это делать за глаза...

– Возможно, у них были уважительные причины, – пожалала плечами Грейс. – И вообще, дареному коню в зубы не смотрят. К тому же, признайтесь, есть какой-то особенный шик в том, чтобы провести аукцион в отсутствие хозяев. Можно считать, что мы облегчили им жизнь. Прямо как мышки в «Портном из Глостера»²¹.

– Наша ситуация больше напоминает поговорку «кот из дома, мыши в пляс», – возразил директор. – Готов поспорить, кто-то из гостей весь вечер строил планы, как бы проникнуть наверх, в святая святых.

– А женщины сгорали от желания посетить гардеробные! – подхватила Грейс.

– От такого удовольствия и я бы не отказался, – рассмеялся Роберт.

– А где Джулиан? Не смог прийти? – спросила Грейс. Она бывала в театре, где Джулиан служил арт-директором, и видела новую постановку – это была сложная экспериментальная интерпретация «Процесса» Кафки, которую Грейс очень хотелось бы всесторонне обсудить.

– Увы, – вздохнул Роберт, – Джулиан на театральной конференции в Лос-Анджелесе. А ваш муж куда подевался? Видел мистера Сакса на аукционе, а теперь он куда-то пропал...

– Джонатану позвонили из больницы. Пришлось срочно ехать к пациенту.

Грейс заметила, как лицо Роберта исказила гримаса. Такова была реакция большинства людей, стоило упомянуть слово «больница» применительно к работе Джонатана.

– Господи, – будто по команде предсказуемо покачал головой Роберт. – Как он только выдерживает?..

Грейс вздохнула:

²¹ «Портной из Глостера» – сказка писательницы Беатрикс Поттер.

– Джонатан и его коллеги делают все, чтобы помочь этим детям. Используют инновации, идут по пути прогресса.

– И что, он есть? В смысле, прогресс?

– Ну разумеется, – ответила Грейс. – Хотя, к сожалению, не такой быстрый, как хотелось бы. Но успехи налицо.

– Не представляю! Ездить в больницу каждый день... Когда у матери Джулиана был рак ободочной кишки...

– Мои соболезнования, – автоматически вставила Грейс.

– Спасибо. Года четыре назад она месяц пролежала в больнице, а перед смертью еще несколько недель. Когда все было кончено, и мы в последний раз вышли оттуда, сразу подумал – надеюсь, больше мне в этом месте бывать не доведется. Куда ни помотришь, всюду боль и страдания.

Будь здесь Джонатан, подумала Грейс, непременно объяснил бы Роберту Коноверу, что работа, конечно, тяжелая и эмоции сильные, однако для врача настоящая привилегия иметь возможность помочь и утешать несчастных родителей, которые, замкнувшись в своем горе, отгораживаются от всех. Ведь болезнь маленького сына или дочери – самое страшное событие для отца и матери. Джонатан обязательно сказал бы, что, хотя вылечить ребенка удастся не всегда, зато можно облегчить боль. Для Джонатана это значило очень много, так же как и для родителей маленького пациента. Джонатану тысячу раз задавали в разных вариациях вопрос, как он может выполнять такую работу. И всякий раз он отвечал без малейшего раздражения, с широкой улыбкой.

Однако Джонатана здесь не было, а Грейс не чувствовала себя вправе озвучивать его доводы.

– Это очень тяжело, – просто сказала она Роберту.

– Боже... Я бы вообще в такой обстановке работать не смог. – Роберт обернулся, чтобы приветливо, но сдержанно поздороваться с женщиной, опустившим тяжелую руку ему на плечо. Потом Роберт снова повернулся к Грейс: – От меня бы все равно никакой пользы не было. Рыдал бы, не просыхая. Даже когда выпускников не берут в колледж, о котором они мечтали, и то расстраиваюсь, а тут...

– Да, – сухо произнесла Грейс, – это, конечно, огромная трагедия.

– Нет, серьезно, – возразил Роберт. Кажется, шутить по данному поводу директор был не настроен.

– Это очень трудная работа, зато Джонатан помогает людям. Так что дело того стоит.

Роберт кивнул, хотя ответ его, кажется, не удовлетворил. Грейс запоздало задумалась, почему подобные рассуждения не считаются грубостью. Разве кому-нибудь придет в голову заявить человеку, который чистит отстойники: «Не представляю, как ты можешь заниматься этим каждый день!» Подобные выпады – не что иное, как неуважение, скрывающееся под вежливой маской, подумала Грейс. Однако, возможно, она просто неправильно интерпретировала намерения Роберта.

– У меня отличные новости насчет вашего маленького ученика, – сменил тему директор. – Он отлично справляется со школьной программой.

Грейс смущенно улыбнулась. Конечно, она и без Роберта знала, что Генри отличник. Ее сын очень умный мальчик – хотя это, разумеется, скорее результат удачной генетики, чем осознанных стараний, а значит, хвастаться тут нечем. Однако Генри добросовестно и трудолюбиво сидел над уроками, так что его интеллектуальные способности ни у кого не вызвали раздражения. Генри не был одним из тех детей, которые хвастаются или, еще хуже, скрывают свои таланты, потому что не хотят выделяться на общем фоне или не желают, чтобы на них обращали особое внимание. И все же неловко было обсуждать эту тему сейчас. У Грейс возникло

ощущение, будто она явилась на особо роскошное родительское собрание, где форма одежды – строго вечерняя.

– Больше всех Генри в этом году нравится учитель математики, – честно сказала Грейс.

Тут к ним подбежала Салли Моррисон-Голден и обняла Роберта за плечи, но скорее не из дружеского расположения, а для того, чтобы сохранить равновесие. Салли определенно была пьяна, причем, судя по неустойчивым покачиваниям на высоких каблуках и бледно-розовому следу от помады на левой щеке, довольно сильно. Видимо, после того как выручку подсчитали – или хотя бы примерно оценили сумму, – Салли решила расслабиться, и ей это удалось. Даже чересчур.

– Вы организовали прекрасный вечер, – дипломатично заметил Роберт.

– Да уж, – несмотря на заплетающийся язык, тон прозвучал язвительно. – Спасибо хозяевам, что пришли...

«Неужели до сих пор не успокоилась?» – удивилась Грейс.

– Не важно, – сказала она Салли. – Мы отлично провели время и вдобавок собрали кругленькую сумму. А особенно приятно было провести аукцион в такой потрясающей квартире. Правда, Роберт?

Голос Грейс прозвучал почти умоляюще. Только бы директор догадался подхватить тему...

– Жаль, что я тут не живу. Сейчас не надо было бы тащиться домой, – добродушно пошутил Роберт. – А еще мне бы принадлежала картина Фрэнсиса Бэкона – вон та, над диваном. Неплохо, да?

Поцеловав и Грейс, и Салли в щеку, Роберт откланялся. У Грейс этот факт ни малейшего сожаления не вызвал.

– Встретилась с Малагой? – спросила Салли. – Она тебя искала.

– Искала? – нахмурила лоб Грейс. – Зачем?

– Нет, ты видела, как вокруг нее мужики крутились? Только что слюни не пускали! Ни дать ни взять собаки Павлова. Мы с Аmandой всю голову сломали, как ей это удастся. А Джилли Фридберг едва скандал не закатила. Еще бы, бедняжка мужа от этой особы чуть не силой оттаскивала...

Грейс даже пожалела, что пропустила такое представление. С неопределенной улыбкой она сдержанно ответила:

– Малага и впрямь выглядела неплохо.

Салли покачнулась и застыла на носках, будто балерина в пуантах. Впрочем, ее каблуки скорее напоминали котурны. Затем Салли нетвердой походкой направилась в столовую. Грейс, которой уже не терпелось уехать, отправилась на поиски Сильвии.

– Может, уже можно уходить? – спросила Грейс. – Как считаешь?

– Не можно, а нужно, – отозвалась Сильвия. – Заметила, как охранники на нас пялятся? Еще немного, и взащей выталкивать начнут.

– Отлично, – облегченно вздохнула Грейс. Конечно, персоналу не терпится поскорее освободиться. Однако Грейс опасалась, что Салли захочет задержаться как можно больше или даже разобрать весь вечер по косточкам, уютно устроившись под шедеврами Поллока. – Тогда я пошла. Устала, сил нет.

– А где Джонатан? – поинтересовалась Сильвия. – Я же его вроде видела.

– Да, Джонатан приехал, – не стала отпираться Грейс. – Но его вызвали к пациенту, и пришлось срочно мчаться в больницу.

– Слоун-Кеттеринг? – уточнила Сильвия, будто Джонатан работал где-то еще.

Грейс уже мысленно приготовилась к следующему раунду рассуждений на тему «и как он выдерживает?», но, к счастью, Сильвия нашла в себе силы сдержаться и просто промолчала. Грейс удалось благополучно скрыться, не будучи остановленной никем из знакомых. Ей хоте-

лось быть дома, когда приедет Джонатан, чтобы поддержать мужа, если понадобится. А если верить многолетнему опыту, такая необходимость, скорее всего, возникнет. Джонатан ездил в Бруклин к родителям умершего восьмилетнего пациента, а потом еще в больнице случился какой-то кризис. Во сколько бы муж ни приехал домой, он будет в полном раздоре. Джонатан так глубоко переживает чужие беды!

Часть вторая Во время

Глава 6 Это ненадолго

Спокойная жизнь закончилась безо всякого драматизма и рыданий. Даже напротив, совершенно буднично. У Грейс просто мигнул мобильный телефон. Когда-то она настроила его так, чтобы мигал один раз, когда приходит эсэмэска, два – когда две, а если случится что-то чрезвычайное и Грейс Рейнхарт-Сакс начнут заваливать сообщениями, мобильник должен был продемонстрировать что-то вроде дискотечных огней. Позже Грейс будет вспоминать это одиночное мигание, такое обыкновенное и ничем не примечательное, что, общаясь с первыми утренними клиентами, она и не подумала проверить телефон. Сначала пришла пара, которая отчаянно, но тщетно пыталась сохранить брак. Потом на сеанс явился давний пациент, у которого намечалась очередная стадия мании. А в обеденный перерыв у Грейс была назначена встреча с продюсером программы «Сегодня», для которой предстояло дать интервью.

Была среда, восемнадцатое декабря. После аукциона прошло четыре дня. Интервью должно было состояться уже после Нового года, однако продюсер объяснил, что перед праздниками хочет утрясти все дела.

– Вам уже прислали текст речи?

Грейс ответила «нет». Впрочем, это и так было понятно.

– Ну да. Если вдруг наметится какая-нибудь сенсация, ваш сюжет могут сдвинуть или сократить.

Репортершу, которая будет брать интервью, звали Синди Элдер. По старой привычке, выработанной годами встреч с клиентами, Грейс записала имя в блокнот. Общались они только по телефону. Как ни забавно, Синди Элдер, судя по голосу, была совсем молоденькой, только из колледжа.

– Как вы считаете, что прежде всего нужно выяснить об интересующем человеке?

– Я бы сказала, никаких выяснений не нужно, – возразила Грейс. – Просто слушайте, что вам говорят, вот и весь секрет. К сожалению, слишком часто люди сосредотачиваются не на ответах, а на самих вопросах, которые считают нужным задать. Многие чересчур застревают на так называемых «важных вещах» – то есть ищут признаки, по которым сразу отсеивают потенциального жениха. Для кого-то это деньги, для кого-то – вероисповедание. Конечно, это все тоже важно, но гораздо важнее наблюдать за поведением человека и вслушиваться в интонации, с которыми он высказывается по тому или другому вопросу.

В трубке слышались бодрое шелканье клавиатуры и время от времени подгоняющее «хм». Грейс уже дала достаточно интервью, чтобы представлять, как все пройдет. Хочет этого автор или нет, но книга «Ты должна была знать» будет представлена как сборник полезных советов для желающих найти вторую половинку. Что-то вроде скандально известных «Правил. Как выйти замуж за мужчину своей мечты» или «Отношений для чайников». Ничего не поделишь, подумала Грейс. Ей же хочется, чтобы книга выбилась в бестселлеры.

– Не могли бы вы привести примеры? Например, что именно можно заметить по поведению или интонации?

– Скажем, презрение, когда речь заходит о бывших, коллегах, родителях, братьях и сестрах. Все мы к кому-то испытываем негативные чувства, но враждебность как устойчивая

модель поведения – это большая проблема. А если мужчина враждебно настроен против женщин в целом, это уже серьезный повод насторожиться.

– Интересно, – рассмеялась Синди Элдер. – Приведите еще примеры.

– Отсутствие интереса к другим людям. Человек говорит о них только применительно к собственным делам и словно бы не понимает, что у них своя жизнь, не имеющая отношения к нему. Скорее всего, такой мужчина не изменится, даже став мужем и отцом. Надо держать в голове важную мысль – этот человек дожил до взрослого возраста, сохранив представления маленького ребенка. Более того, этот недостаток настолько его не смущает, что он без стеснения демонстрирует его в обществе женщины, с которой мало знаком и на которую, по идее, хочет произвести впечатление.

– Вы правы, – согласилась Синди.

– Поэтому все, и особенно женщины, должны быть крайне внимательны. Иногда мы склонны на многое закрывать глаза, особенно если влюблены. Сильная «химия» заставляет утратить здравый смысл.

Печатание прекратилось.

– Как вы цинично рассуждаете! Вы специально выбрали такой тон?

– И да и нет, – ответила Грейс. – Думаю, вполне можно оставаться романтиком, не теряя головы. Не каждое физическое влечение должно заканчиваться серьезными отношениями. Проблемы начинаются, когда мы настолько очарованы, что перестаем слышать мужчину. А ведь он может говорить нам что-то важное.

– Например?

– Например... «Извини, но ты мне не очень нравишься». Или: «Не хочу связывать себя серьезными отношениями». Или даже: «Меня вообще женщины не интересуют». Последний вариант встречается намного чаще, чем думает большинство. А бывает и так: «Хорошо, я готов быть с тобой, но только на моих условиях, от которых ты скоро взвоешь».

– Понятно, – произнесла Синди. – Кажется, материала достаточно.

– Вот и прекрасно, – ответила Грейс и снова покосилась на теперь уже быстро мигающий мобильный телефон. Грейс и Синди поблагодарили друг друга, и Грейс повесила трубку. Потом взяла мобильник, чтобы наконец прочитать эсэмэски. Ничего особенного Грейс не ожидала. Перед интервью она сидела за столом в кабинете, ждала, когда зазвонит стационарный телефон, и от нечего делать решила на всякий случай по-быстрому проверить, кто ей пишет. Первым отправителем оказалась Салли Моррисон-Голден, или М.-Г., как она была записана в телефонной книжке Грейс. Это точно можно проигнорировать. Салли никак не могла утихомириться после аукциона и продолжала рассылать новости с той же интенсивностью, что и до него. Второе сообщение пришло из школы, но отправил его вовсе не учитель, извещающий, что Генри заболел, или у сына проблемы с успеваемостью или поведением, из-за которых Грейс вызывают в школу. Нет, рассылка была автоматическая, не требующая ответа. Должно быть, ставили родителей в известность, что завтра в школе праздник, или в понедельник учеников отпустят пораньше, потому что учителю нужно на курсы повышения квалификации, или в подготовительной школе у кого-то из детей обнаружили вши. Иногда Грейс просыпалась от этих эсэмэсок по утрам – писали, что из-за снегопада занятия отменяют или первого урока не будет. Кстати, в этот день действительно шел небольшой снег. Конечно, рановато для нью-йоркских снегопадов, но не чересчур. Поэтому школьную эсэмэску Грейс тоже читать не стала.

Потом стационарный телефон наконец зазвонил, и она отложила мобильник в сторону. Затем Грейс дала интервью молоденькой Синди Элдер. Это был последний момент того периода в жизни, который Грейс впоследствии мысленно назвала «до».

Мобильник между тем не переставая мигал с бешеной скоростью. В углу дисплея вспыхивал зеленый индикатор. Грейс принялась просматривать список отправителей. М.-Г. Школа. Сильвия Штайнметц. М.-Г. М.-Г. М.-Г.

Ну сколько можно, с раздражением подумала Грейс. Потом стала читать сами эсэмэски. Начала с первой, от Салли: «Всем привет! Родители до сих пор хвалят аукцион. Поступило несколько запоздавших пожертвований. Нужно встретиться, чтобы обсудить итоги. Собрание будет недолгое – час, самое большее полтора. Аманда любезно предложила для встречи свою квартиру. В четверг в девять всем удобно? Адрес – 1195, Парк-авеню, квартира 10В. Прошу ответить как можно скорее».

Потом – эсэмэска из школы: «С сожалением сообщаем родителям, что одного из учеников четвертого класса постигла семейная трагедия. Завтра перед всеми тремя четвертыми классами школы выступят психологи и побеседуют с учениками. Доводим до сведения всех членов нашего школьного сообщества, что следует проявить такт и понимание. Заранее спасибо. Роберт Коновер, директор».

Надо же было напустить столько тумана, подумала Грейс. Видимо, сообщение столько раз переписывали, сглаживая острые углы, что в результате было совершенно не понятно, что именно произошло и о чем речь. Может, кто-то умер? Во всяком случае, вряд ли это упомянутый ученик четвертого класса – иначе не стали бы писать, что его постигла «семейная трагедия». К тому же трагедии происходили в школе и до этого – как, впрочем, и везде. Только в прошлом году скончались двое отцов учеников средней школы – один умер от рака кишечника, второй разбился на частном самолете в Колорадо. Но после этих печальных событий никто сообщений не рассылал. Должно быть, самоубийство родителя, решила Грейс. А может, смерть брата или сестры. Тогда получается, что этот брат или сестра в Реардоне не учились – иначе директор выразился бы по-другому. Грейс порядком озадачило это послание. Спрашивается, зачем рассылать извещение, которое только вызовет ненужные пересуды и вместо требуемого понимания породит одно сплошное непонимание? Для чего рассылать сообщения, когда не хочешь ничего сообщать? Раздраженно нажав на кнопку, Грейс удалила эсэмэску.

Следующая была от Сильвии: «ОК, в четверг могу. Правда, опоздаю на пару минут. Ответственное задание – отнести доктору Дейзи материал для анализа мочи».

Потом – от Салли: «Насчет трагедии в четвертом классе. Кто-нибудь знает, что случилось?»

Пошло-поехало, подумала Грейс, удаляя сообщение.

Снова Салли: «Грейс, срочно перезвони».

И опять Салли: «Надо обсудить насчет Малаги Альвес. Ты уже знаешь?»

Эту эсэмэску Грейс удалять не стала. Вместо этого прочла ее снова, потом еще раз и еще, как будто текст мог измениться или хотя бы стать более внятными. Что значит «насчет Малаги Альвес»? И почему Грейс должна срочно обсуждать этот вопрос с Салли?

Тут телефон зазвонил прямо в руке у Грейс. Вздрогнув, она сжала его крепче и в нерешительности взглянула на дисплей. Сильвия. Грейс чуть-чуть помедлила, однако решила, что лучше будет ответить.

– Привет, Сильвия.

– Слышала про Малагу? Вот ужас!

Грейс втянула в себя воздух. Рассказывать про свои догадки было слишком долго.

– Что случилось? – просто спросила она.

– Малаги больше нет. Поверить не могу. Мы же видели ее в субботу.

Грейс кивнула. Сразу возникло еще толком не оформившееся желание поскорее произнести обычные в таких случаях фразы и закрыть тему. Грейс не хотела знать подробности, не хотела принимать произошедшее близко к сердцу, переживать из-за маленького мальчика, который учится в четвертом классе, или грудной девочки, которую Малага без малейшего стеснения кормила на собрании всего несколько дней назад.

– Кто бы мог подумать?

– Ее сын... как зовут мальчика?

- Мигель, – быстро ответила Грейс, сама удивившись, что помнит это имя.
- В понедельник Малага не пришла его встречать, и Мигель отправился домой один. Там он ее и нашел – в квартире, с маленькой сестрой. Кошмар...
- Погоди. – Грейс все еще одолевало желание ничего не знать о случившемся, однако тут она удержаться не могла. – А ребенок? С девочкой ничего не...
- Сильвия как будто призадумалась:
- Если честно, не знаю. Наверное. Нам бы сказали.
- «Нам». Значит, Грейс уже включили в группу заинтересованных лиц под названием «мы».
- Получила эсэмэску из школы? – спросила Сильвия.
- Получила. Правда, ничего не поняла. Единственное, о чем догадалась, – произошло что-то плохое.
- Ты поразительно догадлива, – с неприкрытым сарказмом отозвалась Сильвия. – Когда в тексте присутствует слово «трагедия»...
- Да, но... В общем, как-то это странно. Зачем устраивать лишний ажиотаж и напускать таинственности? Событие, разумеется, очень печальное, но почему просто не написать, что у ученика четвертого класса скончалась мать? Когда в прошлом году погиб Марк Стерн, рассылку не устраивали и встречи с психологами не проводили.
- Это другое, – сухо отозвалась Сильвия.
- А что случилось с Малагой? Сердечный приступ? Аневризма? Должно быть, что-то внезапное. В субботу выглядела совершенно здоровой...
- Грейс, – перебила Сильвия. Самую страшную подробность случившегося она прибегла напоследок – видимо, нарочно, чтобы звучало поэффектнее. К такому выводу Грейс пришла позже. – Ты не поняла. Малагу убили.
- Что?..
- Это слово казалось диким. Убийства – что-то такое, о чем пишут в детективах и в криминальных хрониках. Ни того ни другого Грейс не читала. А с кем-то из ее знакомых ничего подобного произойти не может – даже если речь идет о малознакомых людях вроде Малаги Альвес. Много лет назад сын домработницы в доме родителей, женщины с Ямайки по имени Луиза, связался с какой-то бандой и убил человека. Его приговорили к пожизненному заключению. После этого здоровье Луизы было подорвано, и прожила она недолго.
- Это же... – договорить Грейс не могла. Более того – даже не знала, что сказать. – Господи... Бедный мальчик... Значит, это он ее нашел?
- Сегодня в школу приезжала полиция. Что-то обсуждали с Робертом у него в кабинете. Это была его идея – позвать психологов. Ты ведь тоже психолог. Как думаешь, и правда надо?
- Надеюсь, их не будут заставлять объяснять детям, что мать их одноклассника убили. – Грейс представила, что бы сама чувствовала в такой ужасной ситуации. – А еще больше надеюсь, что родители ничего не станут рассказывать детям.
- Напрямую, может, и не станут, – заметила Сильвия. – Но они же все равно узнают... услышат...
- Грейс и самой не хотелось ничего об этом слышать, но как напрямую сказать Сильвии, что не желает обсуждать убийство Малаги, не выставив себя равнодушной и черствой?
- Значит, хочешь рассказать Дейзи? И как ты собираешься это делать? – сменила тему Грейс, будто это Сильвия была специалистом по психологии, у которого спрашивают мнения. Хотя Сильвия, скорее всего, для того и звонила, чтобы посоветоваться с Грейс.
- Это Дейзи мне рассказала, – без обиняков ответила та. – А ей – Ребекка Вайсс. Ребекка услышала от мамы, а та – от нашей общей подруги Салли Моррисон-Голден.
- Вот дерьмо, – вырвалось у Грейс.
- Как говорится, шила в мешке не утаишь.

– И как Салли не подумала... – начала Грейс, но договаривать не стала.

– Не пойму, чему ты удивляешься. Когда дело касается Салли, ожидать можно всего. Но сейчас речь не об этом. Да, эмоциональной зрелости у Салли не больше, чем у десятилетнего ребенка, и стерва она та еще, но не она же совершила убийство. Не важно, кто распространяет новость, – эффект в любом случае один. Да, для всех нас это как снег на голову, не только для детей, но и для взрослых. А представь, что устроит пресса. «Мать ученика частной школы убита» и все в таком духе. Хотя, строго говоря, относить Малагу к «матерям учеников частной школы» – большая натяжка, правда?

Грейс нахмурилась:

– В смысле... В каком смысле?

Сильвия досадливо вздохнула:

– Не делай вид, будто не поняла. Я имею в виду матерей, которые *платят* за школу. Добросовестно выкладывают тридцать восемь тысяч долларов в год. Да, знаю, звучит по-снобски, но факт есть факт. Писаки из дешевых газетенок сразу ухватятся за название престижной частной школы, и только в последнем абзаце укажут, что ребенок был из малообеспеченной семьи, а в Реердон попал только потому, что выиграл стипендию. Но мы все равно станем школой, родителей учеников которой убивают!

Грейс отметила, что шок от страшной новости сменился раздражением. Выводила из себя эгоистичность Сильвии, несдержанность Роберта и упорное желание Салли растрезвонить новость всем и каждому. Раздражение означает дистанцию, а дистанция значит отстраненность и неучастие, к которым Грейс и стремилась.

– Думаю, тут все обойдется, – сказала она Сильвии. – Что бы ни произошло, Реердон, скорее всего, ни при чем. И вообще, прежде чем спешить с выводами, нужно дождаться результатов расследования. Главное – если дети захотят поговорить о случившемся, родители должны оказать им всяческую поддержку. Впрочем, нас с тобой это не касается, но те, у кого ребенок в одном классе с Мигелем...

Для них это будет очень серьезно, подумала Грейс. Родитель одноклассника внезапно умер насильственной смертью.

Впрочем, до старших детей новость тоже дойдет. Оставалось надеяться, что от нее оградят хотя бы младших. Грейс подумала о Генри, которому не приходилось сталкиваться ни с чем подобным. Мать Грейс умерла до его рождения, а другие бабушка и дедушка, хотя не общались с внуком, по крайней мере, были живы и здоровы. Как себя вести, что говорить, когда сегодня, или завтра, или на следующей неделе Генри придет домой из школы и скажет: «У мальчика из нашей школы убили маму».

– Готова поспорить, мамы из Далтона уже обзванивают друг друга и твердят: «У нас бы такого случиться не могло!»

– Малагу не в школе убили! – не выдержала Грейс. – Мы вообще ничего про ее жизнь не знаем. Вот я, например, даже понятия не имею, кто ее муж и чем он занимается. Его ведь не было на аукционе? Или был?

– Смеешься? Видела, как она ко всем мужчинам липла?

– Скорее они к ней, – справедливости ради заметила Грейс.

– Я тебя умоляю!

В голосе Сильвии звучала непонятная горечь. Но почему ее так задевает это обстоятельство? Среди крутившихся вокруг Малаги мужчин не было ее мужа. И вообще, у Сильвии мужа нет, так что ситуация, казалось бы, не имела к ней никакого отношения. Но озвучивать эти соображения Грейс не стала – вместе с ними ее посетила новая мысль:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.